

Примечания

- ¹ Это письмо также подвергалось испытанию, нет ли в нем химического текста. Но в следующих уже не видно этого эксперимента – очевидно, убедились, что я не прибегаю к химии. – Прим. Л.Г. Дейча.
- ² Письмо В.И. Засулич не разыскано.
- ³ Очевидно, док. 5.
- ⁴ Очевидно, док. 4.
- ⁵ См. прим. 1 к док. 3.
- ⁶ Л.Г. Дейч был арестован осенью 1877 г. и заключен в Киевскую тюрьму, откуда бежал с помощью М.В. Фроленко в мае 1878 г.
- ⁷ 23 августа (4 сентября) 1884 г. был введен Университетский устав, который фактически ликвидировал автономию университетов. Первым протестом против введения этого Устава явились волнения на торжествах, связанных с празднованием 50-летнего юбилея Киевского университета 7–9 сентября 1884 г. Подробное о событиях в Киевском университете см.: *Щетинина Г.И.* Студчество и революционное движение в России. Последняя четверть XIX в. М., 1987, С. 95–100.
- ⁸ «Процесс 12-ти» проходил в ноябре 1884 г. в Киевском военно-окружном суде над членами киевской организации «Народная воля» (См.: *Троицкий Н.А.* «Народная воля» перед царским судом (1880–1894). 2-е изд., испр. и доп. Саратов, 1983).
- ⁹ Л.Г., Е.Г. и М.Г. Плехановы.
- ¹⁰ У Аксельродов было уже 3 детей: А.П., В.П. и С.П. Аксельрод. Скорее всего, речь идет о последней.
- ¹¹ *Под ее родней я, понятно, имел в виду ее единомышленников, – остатки «Народной воли». Под «размножением» я имел в виду оживление среди них, вызванное приездом в Россию Германа Лопатина (до его ареста).* – Прим. Л.Г. Дейча.
- ¹² Л.Г. Дейч говорит об итогах поездки С.Л. Гринфеста в Россию зимой 1883/84 гг. по поручению группы «Освобождение труда».

1885

8

Л.Г. Дейч – В.И. Засулич, Г.В. Плеханову и П.Б. Аксельроду

1885, 26 января (6 февраля)
Москва

Позавчера получил твое письмо¹, дорогая сестра, вчера – теплые вещи, за которые, к крайнему сожалению, пришлось заплатить в таможню 10 руб[лей] золотом, – вероятно, этого² сама куртка не стоит; альбома же до сих пор нет³. Собищи, на какой адрес ты его выслала, справься на почте, дошел ли до русской границы? Очень буду огорчен, если он пропал: я его жду с большим нетерпением как приятное воспоминание о любимых местах.

Ты, вероятно, сама представляешь себе, какое отрадное впечатление произвели на меня твое (и Павлово) письма⁴: я читал и перечитывал их много раз. Судя по этому письму, ты не в дурном настроении, а это – главное. Жаль все же, что ты мало сообщаешь о своих занятиях и планах. Очень обрадовала меня твоя уверенность, что «никаких бед и опасностей не грозит» вам⁵. Из предыдущего же твоего письма, в котором ты сообщала, что «стеснена в деньгах», я заключил, что в этом причина медленности появления в печати работ Жоржа и Павла и, вообще, неблестящего положения ваших планов. Я не имею достаточных данных, но мне все же кажется, что мои опасения верны. Ты не сообщаешь бо-

лес, увеличивается ли ваша семья, кроме тех двух особ вашего пола?⁶ Но главное же в том, что здесь нет никого из родных⁷ и, по уверению тех, с кем мне здесь пришлось говорить, после неудачного дебюта Финстера, всякого встретят с предубеждением. Сообщи, как тебе кажется, верно ли это? Правда ли, что Саул не исполнил взятых им на себя поручений?⁸ Я здесь беседовал с его знакомым, фармацевтом, с к[о]т[о]рым, как утверждает последний, они сошлись. Передай ему мой привет и всевозможные пожелания.

Я, конечно, очень рад сообществу Ив[ана] Ник[олаевича]⁹. Мы с ним и с Малеванным, которого также на днях перевели в нашу башню, чаще всего вместе; с последним – хотя мы и не были знакомы на воле – мы успели хорошо сойтись еще по дороге сюда из Киева. Он мне очень нравится – хороший он товарищ. О теоретических разногласиях с ними, как и с другими десятью единомышленниками Павы¹⁰, мы очень редко говорим и, вообще, со всеми живем в полном мире и согласии – парни все симпатичные, неглупые. Не могу, к сожалению, похвастать, чтобы читал много, хотя и хотелось бы, но, после долгого молчания в предварительном заключении¹¹ и изолированности от людей, у нашего брата¹² является сильная потребность проводить время в «беседах за чаем», – совсем как в доброе старое время.

Теперь я и Иван Николаевич читаем «Die Entstehung der Familie u[nd] a.» Моргана¹³, в изложении Фридриха Карловича¹⁴. Признаться, судя по заглавию и вашим с Павлом отзывам, я ожидал большего, точнее – не вижу, что в этом «Epochenmachendes»¹⁵, как заявляет Фридрих Карлович. Впрочем, я ее сегодня лишь начал читать.

Я не знал, что ты выслала мне в Питер такую массу книг, – ужасно досадно, что их мне не отдали. Уже несколько недель тому назад я писал отсюда директору департамента, прося его распорядиться о высылке мне тех десяти, к[о]т[о]рые Павел послал в первый раз, перечислив названия; но пока ответа не получил. Если можешь припомнить, то сообщи заглавия остальных: я буду еще и еще писать. Решительно не понимаю, почему прокурор Петерб[ургской] суд[ебной] пал[аты], на адрес к[о]т[о]рого вы послали, не вручил их прямо мне. Пока не высылай мне больше. Я уже, кажется, писал тебе, что приобрел последнее издание «Das Kapital»¹⁶, чему несказанно рад. У Ив[ана] Ник[олаевича] есть то же самое Родбертуса¹⁷ и – «Zur Beleuchtung u[nd] a.»¹⁸, к[о]т[о]рые я еще не успел прочитать.

Носятся слухи, что на Каре нет (или очень мало) книг. Что об этом пишет Дмитро? И вообще, что он пишет? Прошу Лизу сообщить мне все, что она знает о нем. Я ей писал (уже давно) отсюда; получила ли она то письмо? В нем я описывал ей мою поездку сюда.

Фанни передай, что может не называть меня никак в письме, если только из-за этого она «затрудняется» писать, – письму же ее я был бы очень рад. Как они устроились? Как чувствует она себя среди чопорных англичанок? Надеюсь, Кит¹⁹ не отплясывал трепака за 80 ф[унтов] ст[ерлингов], – да, смешное предложение.

От Сашеньки получил на днях письмо с предложением оказывать мне сильную помощь. Хотя я пока решительно ни в чем не нуждаюсь, все же ужасно рад ее готовности. Сомневаюсь, чтобы ей разрешили видиться со мною, что, конечно, доставило бы мне большое наслаждение. Ты права, думая, что хорошо сделала, не передав моих «прощальных слов»²⁰, я тогда не сообразил, какое это неприятное для тебя поручение и, вообще, для всех *вас*. Но раз случилось бы

так, что все вы помирились бы с теми лицами, то можешь, конечно, передать и мои слова. Не потому, как видишь, я нахожу теперь это поручение неудобным, что «те не поняли бы», а – вас ставлю [эт]им в неловкое положение. Тогда же не сообразил я этого, пот[ому] что, как знаешь, был сильно расстроен и должен был торопиться с отсылкой письма, но помнил, что в последнее время на воле имел намерение, при известных обстоятельствах, помириться, какового случая, знал, уже более не представится.

Передай (через Фанни) Мих[аилу] Петр[овичу]²¹, что Малеванный писал ему из Киева и отсюда и удивляется, почему не получает ответа. Он и Иван Николаев[ич] шлют ему поклоны и всякие пожелания.

Они очень рады, что он «никого не трогает», и уверены, что и впредь никого не затронет.

Приди же, дорогая, что делаешь, что читаешь, видишься ли с людьми, кроме своих? Не могу сообразить, что «случилось, вследствие чего твои отношения с семьей стали гораздо лучше»²²; но во всяком случае, меня очень радует, что ты «не чувствуешь себя такой одинокой».

Знаешь ли все подробности о моем процессе? Не помню, получила ли ты все мои письма из Одессы? Сообщи, что об этом было в иностр[анных] газетах и вообще о моем аресте? Кто работает с Рольником? Как он поживает, – кланяйся ему от меня. Здорова ли Ванда²³ и что подделывает, а также и Андерс²⁴? Где Аня? Здорова ли она, учится ли, виделись ли вы с нею? Пусть она как-нибудь напишет мне хоть немного. Надеюсь, ты передаешь ей, как и другим приятельницам, мои поклоны и пожелания.

Роза, вероятно, снимала детей; если да, пришли их карточки. О ней мы часто говорим с Иваном Никол[аевичем] и постоянно «фалим», как выражался Дмитрий. Жоржа тоже, но Ив[ан] Ник[олаевич] не так усердно, как я²⁵. Он просит передать всем вам, в особенности Розе и тебе, всевозможные пожелания и приветствия. То же, я уверен, не забудьте и вы, сударыня, сделать.

Ну, будь же здорова и бодра, дорогая. Не забудь же ответить на все мои вопросы и передай мои пожелания и сердечные поклоны всем приятелям и приятельницам: Розе, Лизе, Ане, Фанни, Ванле, Андерс, Вере Сем[еновне]²⁶, Киту, Финстеру, Рольнику, Ивану²⁷ и др.

Жоржу и Павлу пишу особо²⁸.

Дорогие друзья, чувствую сильнейшую потребность, хоть письменно, побеседовать с вами, когда лишен навсегда возможности сделать это устно. Какое удовольствие доставляли мне живые беседы с вами, – вы это сами знаете. Мысленно я и теперь очень часто с вами. Мне живо представляются разные встречи, случаи и всякого рода мелочи из жизни с вами. (К сожалению, не припоминаю всех ваших удачных острот, милый Жорж, но многие и теперь помню). Предполагаю, что вам подчас бывает очень тоскливо: хочется, вероятно, домой, на родину, еще сильнее, чем в последнее время при мне? Но лучше потерпите, дорогой друг, – еще не наша полоса. Ужасно хотелось бы прочесть вашу книжку²⁹, но, увы, сомневаюсь, случится ли это когда-нибудь. Судя по сообщениям Веры, вы много над ней работали, изучили много отраслей русской народной жизни. (Кстати, вы, конечно, читали о частых волнениях в последнее время среди рабочих Московской и др. губерний³⁰). С кем же вы теперь спорите, «политиканствуете»? Читаете ли рефераты? Видитесь ли с Genoss'ами³¹? Неужели Фридрих Карлович не успел еще приступить к изданию II тома³² или и он умрет, предоставив третьему старику (Папе Беккеру, напр[имер]), в наследство все рукопи-

си Маркса и свои?! Что за медлительные старички! Сообщи, Павел, что знаешь о времени выхода П [тома]. Очень благодарен тебе за письмо. Об успехах немцев в деталях я не знал. Интересно, сколько, вообще, считается теперь за ними голосов? В скольких тысячах расходится «Soz[ial]-Dem[okrat]»? Каково теперь положение их депутатов в рейхстаге? Я слышал, что он недавно предоставил правительству право арестовывать некоторых, кого же именно? Думаю, что процесс лейпцигских анархистов и убийство Румпфа сильно на них отзывается?

Рад я очень, что ты вылезает из бедственного экономического положения. Но мне как-то все не представляется, что ты, Павел, к[о]т[о]рого я привык видеть вечно нуждающимся, вдруг будешь сыт, одет, обеспечен¹³. От всей души, конечно, желаю тебе блестящих успехов, как на финансовом, так и на ученом поприще. Те же пожелания шлю и вам, Надя. Будьте же счастливы, дорогие друзья! Пишите хоть понемногу. Кланяйся, Павел, Саше¹⁴ и др[угим] цюрихским товарищам.

Обнимаю вас крепко-крепко. Ваш Л. Дейч

Что подельвают французы? Гед и Лафарг? А где Петр Алексеич¹⁵ и Готье¹⁶? Пишите впредь по след[ующему] адресу: Его Сиятельству, Московскому Вице-Губернатору, Г-ну князю Голицыну, Покровка, в собств[енном] доме. (для такого-то).

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 1. Ед. хр. 669. АД 1/29.6. Л. 9 – 10 об.

Автограф с позднейшей правкой автора. Оубл.: Группа

«Освобождение труда». Сб. 2. М., 1924. С. 239–44.

Публикуется по автографу.

Примечания

¹ Письмо не разыскано.

² Слово «этого» вставлено более яркими чернилами.

³ См. док. 7.

⁴ Письмо П.Б. Аксельрода не разыскано.

⁵ *Под «бедами и опасностями» мы понимали, с одной стороны, финансовые затруднения для ведения начатых группой «Осв[обождение] труда» литературных предприятий, а с другой – вследствие все более надвигающейся в России реакции, – давление со стороны нашего правительства на Швейцарию по отношению права жительства Плеханова и Веры Ивановны Засулич. Мы знали, что, нажми наше правительство, и эта крохотная демократическая республика повыгоняет нежелательных Александру III эмигрантов. Как известно, спустя 2–3 года эти мои опасения оправдались: Веру Ивановну и Георгия Валентиновича действительно изгнали из Швейцарии. Также и материальное положение моих друзей, в связи с усилившейся в России реакцией, становилось год от году все хуже. – Прим. Л.Г. Дейча.*

⁶ *То есть прибавилось ли число новых членов в основную группу «Осв[обождение] труда». Как известно, первоначально нас было пять, и только после моего ареста были включены еще: Анна Макаревич-Турати (урожд. Розенштейн) и Ванда Цезарина Войнаровская. – Прим. Л.Г. Дейча.*

⁷ То есть единомышленников, социал-демократов.

⁸ См. прим. 12 к док. 7.

⁹ И.Н. Присецкий.

¹⁰ *«Пава» – М.Н. Опашина. Ее «единомышленники» – народовольцы. Зимой 1884/85 гг. происходили аресты народовольцев по делу Г.А. Лопатина, сделавшему попытку возродить организацию «Народная воля».*

¹¹ Слова «в предварительном заключении» надписаны сверху более яркими чернилами.

¹² Слово «брата» надписано сверху более яркими чернилами, соответственно исправлено и окончание предыдущего слова.

¹³ *Morgan (Morgan) Люис Генри (1818–1881) – американский этнограф, археолог, историк первобытного общества и общественный деятель. Речь идет о его книге «Древнее общество, или Ис-*

следование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации» (*Morgan L.H. Ancient Society. London, 1877*), послужившей Ф. Энгельсу одним из источников при написании книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (*Der Ursprung der Familie, des Privatigentums und des Staats. Im Anschluss an Lewis H. Morgan's Forschungen von Friedrich Engels. Hottingen-Zürich, 1884*). Книга написана Фридрихом Энгельсом с учетом замечаний, дополнений из других авторов, в том числе мыслей Карла Маркса, высказанных им в подробном конспекте книги Моргана.

¹⁴ «Фридрих Карлович» – шутовское прозвище Ф. Энгельса. Речь идет о его произведении «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884).

¹⁵ Эпохальная (*нем.*).

¹⁶ Не совсем ясно, какое издание «Капитала» приобрел Дейч. Речь может идти только о I томе. На немецком языке он переиздан в 1872 г., а французское издание выходило отдельными выпусками в 1872–1875 гг. Русский же перевод Г.В. Плеханова (Женева, 1882) вряд ли можно было купить в Москве, тем более заключенному Бутырьской тюрьмы.

¹⁷ Имеется в виду книга: Rodbertus-Jagetzow. Zur Beleuchtung der socialen Frage. Berlin, 1875. В личной библиотеке Г.В. Плеханова хранится эта книга с его пометами. Статья Плеханова «Экономическая теория Родбертуса-Ягецова» была опубликована в журнале «Отечественные записки» в 1882 г. (№ 5 и 6).

¹⁸ См. предыдущее прим.

¹⁹ Кит, Тамара – шутовские прозвища С.М. Кравчинского.

Что касается «отказывания труппа», дело состояло в следующем: Вера Ивановна сообщила мне, что, вскоре после переселения Кравчинского в Лондон и быстро приобретенной им там большой популярности, какой-то импрессарио предложил ему «отказываться» национальный русский танец в одном театре за плату в 80 ф. ст. за каждое выступление, от чего Кравчинский, конечно, отказался. – Прим. Л.Г. Дейча.

²⁰ Под «прощальными словами» мы понимали данное мною ей в одном из предыдущих писем поручение передать от меня поклоны на прощанье некоторым эмигрантам, с которыми у членов группы [«Освобождение» труда] установились враждебные отношения (Драгоманов, Ошанина, Тихамиров и др.). – Прим. Л.Г. Дейча.

²¹ М.П. Драгоманов.

²² Впоследствии я узнал, в чем была причина. Вера Ивановна была очень недовольна вновь принятой по предложению Георгия Валентиновича, Вандой Войнаровской. Из-за этого несколько изменились ее с ним отношения. Но спустя короткое время, этот не подходящий во многих отношениях новый член вышел из состава группы «Освобождение» труда. После этого дружеские отношения между Верой Ивановной и Георгием Валентиновичем еще более усилились. – Прим. Л.Г. Дейча.

²³ Войнаровская (Wojnagowska) Цезарина Вацда.

²⁴ Очевидно, Андерс Ольга Васильевна, эмигрировавшая за границу при содействии Сергея Дегалева, о предательстве которого она ничего не знала. Хотя она разделяла взгляды народолюбцев, но согласилась работать в типографии группы «Освобождение труда». Через нее группа сносилась с группой Д. Благоева.

²⁵ Слова «как я» приписаны позже.

²⁶ Личкус Вера Григорьевна или «рыженькая Вера», кузина Фанни Марковны Степняк-Кравчинской, вышла замуж за А.А. Хотинского; была очень симпатична. В описываемое время она овдовела, переехала из Кларана в Цюрих. Впоследствии она оказывала небольшие услуги группе «Освобождение труда».

²⁷ Бохановский Иван Васильевич.

²⁸ Далее одно предложение вымарано.

²⁹ Я имел в виду книгу «Наши разногласия», которую вскоре затем мы получили в тюрьме, конечно, нелегально. – Прим. Л.Г. Дейча.

³⁰ Речь идет о знаменитой Морозовской стачке 7(19)–17(30) января 1885 г. на текстильной фабрике Морозовых в с. Никольском (ныне – г. Орехово-Зуево). Стачка отличалась организованностью и упорством бастующих. Подавлены войсками. Арестовано свыше 600 рабочих.

³¹ То есть с немецкими социал-демократами.

³² Второй том «Капитала» был издан Ф. Энгельсом в 1885 г.

³³ После ареста Л.Г. Дейча весной 1884 г. все члены группы «Освобождение труда», лишившейся своего главного администратора, начали испытывать жесточайшую нужду. Это касалось и П.Б. Аксельрода, на руках у которого находилось трое малолетних детей. Отчаявшись найти заработок, он тяжело заболел нервным расстройством. Его жена – Надежда Исааковна, испро-

бывала множество лекарств, в том числе и кефир – напиток в то время в Швейцарии совершенно не известный. На удивление, он, хоть и временно, но помог. Тогда родилась идея наладить производство кефира на продажу. Друзья Павла Борисовича – К. Каутский и Э. Бернштейн, помогли ему достать кредит в 500 франков, на который и было начато «кефирное предприятие», представлявшее собой домашнее производство, изнурительным трудом в котором было занято все семейство Аксельродов и прежде всего его глава. В то же время, это «предприятие» дало Аксельроду устойчивый доход, а с течением времени даже возможность поддерживать материально и своих друзей по группе «Освобождение труда». Аксельрод очень тяготился «кефирным заведением», отнимавшим у него много сил и времени, и породившим слухи о его буржуазном перерождении. Продать фирму «Аксельродкефир» ему удалось лишь в конце 1908 г.

³⁴ Вероятно, речь идет о сыне Аксельрода, Александре Павловиче.

³⁵ П.А. Кропоткин.

³⁶ *Gautier E. (Gautier E.)* – один из авторов декларации анархистов Лиона, напечатанной в периодических выпусках П.А. Кропоткина, вышло всего 25 номеров в 1882–1883 г. («La déclaration des anarchistes de Lyon». P. Kropotkine, E. Gautier etc. Discours de P. Kropotkine. *Ibid.*, 20 jan. – 3 fev., № 23–24).

9

Л.Г. Дейч – В.И. Засулич

1885, 8 марта
Москва

Дорогая!

Уже почти два месяца, как я ответил тебе¹ на твое последнее письмо; недели 3–4 назад я послал другое², и все же до сих пор от тебя – ни строчки. Решительно не знаю, чем это объяснить! Прежде я приблизительно раз в месяц получал от тебя по письму. Не думаю, чтобы начальство не пропускало твоих ответов, так как в таком случае оно уведомило бы меня, чтобы я напрасно не писал. Незнание о тебе и других близких вызывает во мне всякие тревоги и опасения. Опасаюсь, не случилось ли чего с тобою? Но в таком случае мог бы Павел, Жорж, Лиза написать мне. Боюсь, что вдруг и до самого отъезда³ не получу от тебя письма. С другой стороны, не допускаю, чтобы ты не постаралась так или иначе дать мне знать о себе. Полная неизвестность о тебе связывает мне руки, – не знаю, о чем писать. К тому же в жизни моей, конечно, нет ничего нового. Отвечай же поскорей, прошу тебя, – буду ужасно рад, если все мои опасения окажутся напрасными. Шлю сердечный привет всем близким. Целую тебя крепко.

Твой Лев

Ответ пришли заказным письмом.

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 669. АД 1/29.7. Л. 11–12.
Автограф. На обороте письма рукой неустановленного лица запись: «Павел брошюру кончил, сегодня выйдет. Поклон товарищам. Крестко жму Вам руки». Подпись неразб. Оpubл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 2. М., 1924. С. 244–45.
Публикуется по автографу.

Примечания

¹ См. док. 8.

² Письмо не разыскано.

³ То есть до отправки партии ссыльных и каторжан в Сибирь.

1885, 5 апреля
Москва

Дорогая!

Вчера получил твое письмецо¹ с 50 руб. На прошлой неделе – твое и Лизино письма², которые – уже не знаю по какой причине – пролежали где-то более месяца, пока мне были вручены.

Письмо твое, действительно, очень отрывочно, но я, конечно, рад, что хоть в 2–3 словах сообщаем о вашем положении (хотя нового, собственно, почти ничего), так как я уже отчаялся получить подробное от тебя письмо. Напрасно не упоминаешь сколько-ниб[удь] подробнее о своей поездке к Ане³. Как она поживает? Что с нею? Почему она за все время ни слова мне не написала? Передай ей мой строжайший выговор (но вместе и поцелуй). Лизе я очень, очень благодарен за ее письмецо, которое дало мне хоть некоторые сведения о Якове. Я, кажется, уже сообщал тебе, что писал ему отсюда еще в ноябре, но ответ, быть может, не мог еще прийти. Пишу ему и на адрес отца. Напрасно Лиза ни словом не упомянула о себе, о здоровье и, вообще, о своем положении.

Вчерашний день был для меня очень радостным: пришла ко мне на свидание Ан[на] Ив[ановна] Успенская. Ей из охранного отделения дали разрешение. Рассказывала она мне о своей жизни в Сибири, на Каре и, вообще, о тамошних порядках. Впечатление она производит очень приятное, и я рад, что лично познакомился с нею. Не помню, писал ли я тебе, что она не отказывалась и раньше помогать мне и исполняла мои письменные просьбы по части присылки вещей (белья, книг), что, конечно, сослужило мне большую службу. Она – единственный человек здесь, к которому могу обращаться за чем-нибудь. Сестра моя – врач⁴, все сулит приехать повидаться, но как-то все не выберется.

Я, кажется, уже писал тебе, что нам позволено было в день Св[етлого] Воскр[есения]⁵ собраться всем вместе для развлечения, что было для нас большим праздником. Познакомился, так[им] обр[азом], со всеми сидящими здесь (46 чел.), в числе которых 10 женщин, все почти незнакомые мне, за исключением 3-х, с к[о]т[ор]ыми сюда приехал. Все они (и они) народ симпатичный. Пили, ели, болтали мы вдоволь и остались, конечно, очень довольны этим «утром».

Писала ли ты мне еще, кроме этого письма, что вместе с Лизиним? Если да, то я не получал более.

Ну, Лизе (и тебе заодно) буду писать в другой раз. А пока будь здорова, дорогая. Крепко тебя целую. Привет мой всем друзьям. Почему Жорж и Павел молчат? Всего, всего вам всем хорошего. Поторопи всех с письмами ко мне, а то носятся слухи, что скоро (в конце апреля) нас отправят⁶. Мне было бы очень грустно, если бы на прощанье не получил хоть по несколько слов от близких.

Еще раз целую тебя крепко.

Твой Лев

*АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Д. 669. АД. 1/29.8. Л. 13 – 14 об.
Автограф. Публикуется впервые.*

Примечания

¹ Письмо В.И. Засулич не разыскано.

² Письма В.И. Засулич и Е.А. Хотинской не разысканы.

³ Летом 1885 г. В[ера] И[вановна] съездила в Милан к А.М. Кулешовой погостить, а также получить собранные тогда студентам Турати деньги в пользу группы «Осв[обождение] труда». – Прим Л.Г. Дейча.

⁴ Очевидно, сестра Л.Г. Дейча С.Г. Дейч.

⁵ В книге «16 лет в Сибири» (М., 1924. С. 81.) Л.Г. Дейч по этому поводу вспоминал следующее: «Особенно весело отпраздновали мы в Бутырках ночь под светлое Воскресенье. Губернатор разрешил нам провести ее сообща в башне, где помещались административно-ссылаемые. Там, под наблюдением помощника смотрителя и надзирателей, мы оставались все вместе – мужчины и женщины – с наступления вечера почти до рассвета, и предавались небывалому в тюрьме веселью: шутки и смех смешивались со звуками песни, затем появилась откуда-то гармоника и развеселившаяся молодежь пустилась танцевать».

⁶ В Сибирь.

II

Л.Г. Дейч – В.И. Засулич

1885, 30 апреля (12 мая)

Москва

Дорогая!

Как видишь, я еще здесь и не знаю даже приблизительно, когда двинусь в путь. Говорят, что наш отъезд состоится в середине, а, может быть, даже в конце мая. Во всяком случае я еще уведомию тебя об этом и, вероятно, еще не раз буду писать. Твое (и Павлово) заказное письмо, а также ваше, Лиза, маленькое Жоржево¹ – получил. Получил также и деньги, и извещение о высылке книг, и письмо с перечнем их и прощальными пожеланиями. Но книг пока еще нет, а также – большого письма. Боже, как нам с тобою не везет в отношении больших писем! Я, вероятно, так и уеду, не получив ни одного обстоятельного! Чего, чего не дал бы за одно такое письмо! Злодейка-судьба, уж не знаю почему, не хочет, чтобы я знал, как провела ты этот год, что почувствовала, передумала, что делала и пр. Пишешь, дорогая, что я «хвалил бы» тебя, был бы тобою «доволен», если бы знал, как провела ты это время. Я нимало в этом не сомневаюсь, тем более что имею очевидные доказательства твоего «похвального поведения». К тому же отзыв Жоржа о тебе до того лестен, что я просто в восторге, – горжусь тобою. Тем не менее мне ужасно хотелось бы в подробностях узнать твои подвиги. Но что поделаешь с судьбой?! Не хочет она этого, очевидно.

Я, кажется, не сообщал тебе, что приобрел довольно много книг (штук около 80-ти) и все солидные, серьезные; все те по высшей математике, к[о]т[ор]ые Жорж, помнишь, советовал, и некоторые сверх того, несколько по геологии, истории и пр. В этом, отчасти, помог мне «юноша, обещавший 500 руб.»² и не сдержавший, помнишь, этого обещания (его, верно, помнит Финстер). Он, кроме того, вручил мне 100 руб, так что, как видишь, и в деньгах нет у меня недостатка. Сашеньку выдаю и очень ею доволен, – милая, славная она, просто прелесть что за старушка, – она почти совсем уже слепая. Она много для меня сделала. Толком поговорить с нею не удалось, – все больше о мелочах, частности. Ей, очевидно, плохо живется, – нужда донимает. Не будь этого, она охотно поехала бы к вам, о чем я ей все твержу. Приезжала сюда на неделю моя сестра-врач³, но, говоря откровенно, не доставила мне этого удовольствия. Такого холодного, «здравомыслящего», житейски-практичного субъекта, при всем

моем желании, я переварить не могу, и мы, несмотря на непродолжительное свидание, после многих лет разлуки (а может быть, именно поэтому) говорили с запальчивостью, колкостями и едкими шпильками друг другу. Совсем мы два крайних полюса; говорим на двух языках, чужды друг другу. Она – очень близка по воззрениям к Михаилу Никифоровичу⁴, я же, ты знаешь, хотя и могу со всяким человеком найти общий, нейтральный предмет для беседы, – все же не в состоянии выслушивать беспощадные нападки на все хорошее. Зато другая сестра⁵ (которая в Казани) доставляет мне некоторое утешение своими письмами. Надеюсь даже проездом повидаться с нею и уверен, что не разочаруюсь, – она всегда была лучше, добрее, искреннее Сони.

О питерских родственниках⁶ носятся – говорят некоторые – хорошие слухи – как о людях дельных, солидных. Но первая их афера, как я уже писал тебе, ужасно всем – в том числе меньшим братьям⁷ – не нравится. Я, конечно, несказанно рад, что вы вступили в родство с такими людьми. От всей души желаю, чтобы мои опасения насчет потери вскорости их предприятия, а, следов[ательно], и кредита – не сбылись⁸. Но, при отсутствии умелых, ловких дельцов-практиков⁹, – это ведь неизбежно. Не буду, однако, каркать.

С окружающими меня товарищами живу в мире, некоторые мне очень симпатичны. Но одного – рабски преданного тетушке Саре, не выносящего никакого несогласия, напускающего с пеной у рта, как помнишь, бывало Петр Алексеевич¹⁰, я не могу выносить, хотя всеми силами стараюсь избегать всяких столкновений¹¹. Но, боже! Мне предстоит с ним – и не с ним одним, а, б[ыть] м[ожет], с массой таких же – пробыть вместе долго, долго!.. Воображаю, как бы Жорж изумился, если бы присутствовал при здешних спорах! Он бы не верил ушам своим, слыша, как речи «ораторов» пересыпаются «нежными» словечками, вроде: «дурак», «осел», «лгун». Но что всего оригинальнее, – приверженцы Сары стремятся доказать, что такие нелепости в споре вовсе не обидны, что обижаться на них можно лишь из «мелкого самолюбия», что обижающийся, значит ...не отделался еще от «буржуазных свойств(!)» Перекричать этого жалкого крикуна, разбрехавшегося, как нервная баба, – нет никакой возможности, убедить его в чем-нибудь – тем менее. Спорит он обо всем, всегда и со всеми о чем-нибудь. Но, по несчастью, он имел случай «лично быть известным» Андрею Ивановичу¹², Льву Александровичу¹³ и т.п. великим людям мира сего, – поэтому многие готовы смотреть с почтением и выносить его выходки. Ведь все здешнее – ужасная зелень, хотя и хорошая, здоровая, доброкачественная, – а он считается «ветераном», «практиком», «ярлым» приверженцем и защитником старины.

Но довольно о нашей среде. Когда-нибудь напишу тебе о положении Ив[ана] Николаевича здесь. Пока скажу, что почти все (или по крайней м[ере] очень многие) его сильно недолюбливают. Я к нему также не совсем расположен, в чем он сам виноват. Он сильно изменился с тех пор, как обзавелся семьей (у него уже сын есть), не совсем хороший товарищ, себялюбивый, эгоистичный, несправедливый, с замашками Михаила Петровича¹⁴; исподтишка склонен повытягивать неблагоприятные факты, судить и пересуживать все и всех. Но довольно и о нем. Я сегодня, совсем нехотя, занялся сплетнями.

В общем повторяю, жизнь моя здесь совсем недурная, и я благодарен судьбе. Одно меня огорчает – это слабость зрения, – глаза день ото дня становятся все хуже, и я боюсь, что скоро совсем не буду в состоянии заниматься. А без глаз на что же я годе! Советовался 2 раза со специалистом, но он мне ничем не по-

мог: наоборот, прописал очки, от к[о]т[о]рых мне еще хуже, кажется, хотя он и уверяет, что этот № мне полезнее, чем мой прежний. Вообще же я совсем здоров и даже, по уверению многих «очень толст», почему некоторые сравнивают меня с «немцем-буржуа» и «кацапом-кучером» и т.п. Здесь я, действительно, один из самых здоровых. Эх, если бы только не глаза! Мог бы еще так-сяк скоротать свой век.

Читать поэтому отчасти удается мало, – не больше 2–3 ч. днем, сидя на солнышке. Как приятно, хорошо себя чувствуешь, лежа с книгой на дворе и представляя себе, что и этого удовольствия мог бы не испытывать! А у вас, воображаю, до чего прелестно теперь! Ужасно обрадовался я письму Жоржа. Откладываю свой ответ ему до другого раза. Пока скажу только, что оно доставило мне много приятных часов, – я читал и перечитывал его много раз, – смеялся по поводу его остроумия, сосредоточенно задумывался над аллегориями, почти проливал слезы умиления над выражениями симпатии и любви ко мне. Seriously, письмо его во всех отношениях доставило мне большое наслаждение. Милый Жорж! Как я рад, что именно его имею в числе лучших друзей моих! Я благодарен судьбе, что она доставила мне возможность близко сойтись со всеми вами, узнать и полюбить вас больше всех и даже больше всего, кажется, на свете. Но я готов удариться в лиризм, причиной чему – поздний час ночи, слипаются глаза. Прощайте же, дорогие! Будьте счастливы. От всей души желаю вам успеха в ваших предприятиях. Всего, всего вам хорошего. Крепко обнимаю вас всех и тебя в частности, дорогая. Лизе шлю поцелуй и выговор (мягкий) за кратенькую записочку в ответ на мое большущее письмо. Все же перед отъездом напишу вам, Лизенька, еще. Пока – благодарю за обещание писать мне на место часто. От отца Мити¹⁵ ответа не получаю. Вообще письма через князя¹⁶ неаккуратно доходят, – не по его, впрочем, вине.

От Ани также не получил ни строчки, что мне очень неприятно, – я был бы очень рад ее письму.

Тебе, Павел, также собираюсь отдельно написать. Пока отвечу, что со мною было, кажется, око[ло] 175 экз. брошюр. Будьте все здоровы, дорогие. Пишите через Сашу. Обнимаю вас всех и крепко и много целую.

Ваш Лев

*РНБ. АДП. Ф.1097. От. 1. Ед. хр. 669. АД 1/29.9. Л. 16 – 18 об.
Автограф. Публикуется впервые.*

Примечания

¹ Письма В.И. Засулчи и П.Б. Аксельрода, Е.А. Хотинской и Г.В. Плеханова Л.Г. Дейчу не разысканы.

² Кажется, это был Далевиц, но я тогда ошибся, обвиняя его в том, что он не сдержал обещания: впоследствии я узнал, что он прислал моим зарубежным друзьям обещанную сумму. – Прим. Л.Г. Дейча.

³ С.Г. Дейч.

⁴ М.Н. Катков.

⁵ М.Г. Афанасьева.

⁶ *Грунтта Благоева* – одна из первых социал-демократических организаций России. Создана в Петербурге в октябре 1883 г. Д. Благоевым. В нее входило около 30 человек: Н.П. Андреев, П.П. Аршавлов, В.Е. Благославов, А.А. Герасимов, В.А. Кугушев, П.А. Латышев, В.Г. Харитонов, П.П. Шатяко и др. Это были главным образом студенты бывшие черноперелесцы, поддерживавшие связи с «молодыми народолюбцами» (М.Н. Емельянов, П.Ф. Якубович). После

установления связи с группой «Освобождение труда» в 1884 г. благоевцы приняла название «Партия русских социал-демократов», а после установления связи с Группой «Освобождение труда» – «Петербургская группа партии русских социал-демократов». Программа группы подверглась критике Плеханова. Он же разработал общую программу русских социал-демократов. Группа создала около 15 рабочих кружков по 10 человек в каждом, кассы взаимопомощи, библиотеки, кружки самообразования, имела 3 типографии и имела связи во многих городах России. Группа выпустила 2 номера газеты «Рабочий». С февраля 1885 г. последовал ряд репрессий. В марте 1887 г. группа была окончательно разгромлена. Немногие оставшиеся на свободе ее члены (Е.А. Климанов, Г.А. Мефодиев, А.С. Филимонов) вошли в группу Точисского.

⁷ *То есть рабочим не понравилась неопределенная, невыдержанная программа этих quasi социал-демократов.* – Прим. Л.Г. Дейча.

Проект программы группы, посланный в Женеву, вызвал критику со стороны группы «Освобождения труда» в связи с тем, что в нем нашли отражение народнические взгляды и элементы лассальянства (См.: Группа «Освобождение труда». Сб. 6. С. 127–133).

П.Б. Аксельрод вспоминал относительно этого эпизода следующее: «Единственным лучом света за это время явилось для нас письмо, которое пришло к нам в Женеву в феврале 1885 г. и о котором Гриффест сообщал мне: «Сегодня мы получили на адрес типографии письмо от одного петербургского кружка, который желает войти с нами в сношения. Письмо это адресовано Рольнику, и пишущие просят его узнать у группы «Освобождение труда», подучила ли она предыдущее их письмо с их программой, которое они некоторое время тому назад послали в группу через редакцию «Вестника "Нар[одной] воли"», так как последняя обещалась доставить это группе; если редакция «Вестника» не дала этого нам, то они просят нас вытребовать это от редакции; если же не поможет, то они просят прислать адрес, тогда они пришлют в другой раз. Об их благонадежности, пишут они, можно узнать в редакции «Вестника». Они пишут, что сношения с нашей группой для них необходимы. В сегодняшнем письме они пишут адрес для переписки и шифр. Подписываются они «петербургские социал-демократы... Вы, конечно, не меньше нашего будете радоваться этому: наконец русские стали нас искать».

Это письмо было послано нам кружком, который вошел в историю социал-демократического движения в России под именем «Кружка Благоева». Вскоре мы получили из Парижа программу кружка, составленную в лассальянском духе. Кружок просил прислать статьи для газеты «Рабочий», которую он издавал». – См.: Аксельрод П.Б. Группа «Освобождение труда» // Летописи марксизма. Т. III. М.; Л., 1928. С. 102–103.

⁸ *Полагаю, здесь ясно видно, что я писал о возникшей связи между группой «Осв[обождение] труда» и благоевцами, и что я опасался скорого провала последних, что, как известно, действительно получилось.* – Прим. Л.Г. Дейча.

⁹ То есть революционеры-практики.

¹⁰ П.А. Кропоткин.

¹¹ *То был ныне покойный А.А. Спандони-Басманджи, судившийся по процессу Веры Фигнер.* – Прим. Л.Г. Дейча.

¹² А.И. Желябов.

¹³ Л.А. Тихомиров.

¹⁴ М.П. Драгоманов.

¹⁵ От клички Дмитро, Дмитрий – Стефанович Я.В.

¹⁶ Очевидно, через московского вице-губернатора князя Голицына, адрес которого Дейч дал в документе № 8.

12

Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду

1885, лето¹
Женева

Дорогой Павел!

[Большое спасибо Вам и Надежде Исааковне за совет относительно «А[lliance] Is[r]a[é]lite»² Мы и сами уже думали об этом, но, к сожалению, дело это невыполнимо. «А[lliance] Is[r]a[é]lite» внимательно следит за поведением своих

proteges³, и от него не может укрыться тот факт, что Роза, еврейка, замужем за христианином; не говоря уже о том, что обманывать мы не захотели бы, мы даже и не смогли бы сделать это, а между тем евреи также нетерпимы по отношению к христианам, как и эти последние по отношению к ним. По законам (церковным) еврейка не может выйти замуж за христианина иначе, как под условием обращения его в еврейство. Что же мне прикажете делать? Остается отложить об этом всякое попечение⁴. Что у Вас явились конкуренты, это я знаю, но что они за люди, мне было и есть неизвестно, и Вы хорошо сделали бы, [если бы] описали нам всю эту историю поподробнее.]⁵ Жаль, что мы не можем утешить Вас хоть тем, что нам в Женеве живется недурно. Если бы это было так! Но в действительности мы стоим над бездной всяческих долгов и неуплат, каждый день приближает нас к краю этой бездны, а за что ухватиться, чтобы не упасть, — не знаем, да и знать не можем. Плохо⁶! Ну, да унывать не нужно. Аось еще и нам улыбнется счастье. А что страдаем мы не напрасно, — это Вы могли видеть из посланного Вам письма Благоева⁷. Если так, то наша беда — еще полбеда. Пока до свиданья, мой горячий привет всем Вашим вообще и der Верочке⁸ в частности. Скажите этой последней, что я собираюсь привезти к ней в гости Лидку⁹. Если увидите Грэйлиха, спросите его, не нужна ли ему книга Риттинггаузена¹⁰, и могу ли я оставить ее у себя еще на некоторое время. Кланяйтесь ему. Прошайте, не поддавайтесь унынию, право же мы еще расцветем и поедом с Вами в Лондон, чтобы явиться по начальству¹¹. Само собою разумеется, что предварительно расплатимся с долгами, а то Фридрих Карлович¹² может поставить нам на вид, что если собственность не есть кража, то тем более кража не дает права собственности на похищенные (или взятые в долг) продукты¹³. Еще раз всем привет. Видитесь ли Вы с Ивановой?

Г. Плеханов

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 10. А 9.1. Л. 1–2.
Автограф. Опул. с сокращением: *Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 21–23; Литературное наследство Г.В. Плеханова. 8. М., 1940. С. 235–236.*
Публикуется по автографу.

Примечания

¹ В предыдущих публикациях дата — «весна 1885 г.». Обоснование даты см.: прим 7.

² Альянс израильтян (Alliance Israélite Universelle) — основанный в 1860 г. в Париже союз, вызвавший создание таких же союзов в Англии и Австро-Венгрии и имевший своей целью содействие в уравнении прав еврейского населения и оказывавший помощь нуждающимся евреям.

³ Пользующийся покровительством (фр.).

⁴ Первой женой Г.В. Плеханова (с 1876 г.) была землеволка Н.А. Смирнова. Всерьез влюбленный, он обвенчался с женщиной не только на 4 года старше себя, но и сердце которой принадлежало другому — землевольцу М.А. Гриценко. Последний был в это время уже арестован и отбывал наказание, а она ждала ребенка. Благородство Плеханова ею не было оценено. Ребенок вскоре умер, а она вернулась к своему фактическому мужу. В 1879 г. Плеханов вступил в брак с Р.М. Бограл. И хотя этот второй брак оказался очень удачным, оформить свои отношения супруги смогли только через 30 лет (Смирнова не давала Плеханову развод).

⁵ Весь текст, заключенный в квадратные скобки, в предыдущих публикациях был опущен.

⁶ В этот период жизни здоровье Г.В. Плеханова было уже сильно подорвано непрерывным трудом в течение пяти лет жизни в эмиграции в условиях сильнейшей материальной нужды и предшествовавшими четырьмя годами нелегальной работы в России.

⁷ *Прибыл в Болгарию в середине марта 1885 г. Благоев немедленно связался с группой «Освобождение труда». Упомянутое в тексте письмо Благоева не сохранилось. По-видимому,*

оно содержало рассказ о положении дел в Петербурге. Сам Благов, запрошенный редакцией данного сборника, подробностей об этом письме вспомнить не смог. – Прим. Б.И. Николаевского.

⁸ Шутливое прозвище В.П. Аксельрод.

⁹ Л.Г. Плеханова.

¹⁰ Риттинггаузен М. (1814–1890) – деятель германского социал-демократического движения, известный проповедник идеи прямого народного законодательства, некоторые следы влияния которого находятся в первых проектах программы группы «Освобождения труда». Автор книг «Die directe Gesetzgebung» (1850), «Sozialdemokratische Abhandlungen» (1869–1872) и др. О какой из этих книг идет речь в письме, установить не удалось.

¹¹ К Ф. Энгельсу. Познакомиться с Энгельсом Г.В. Плеханову и П.Б. Аксельроду удалось только значительно позднее, в августе 1889 г.

¹² Шутливое прозвище Ф. Энгельса.

¹³ Плеханов здесь шутливо варьирует известную фразу Прудона «La propriété c'est le vol» [«собственность – это кража»], намекая на критику ее, данную Марксом (см. статью о Прудоне, напечатанную группой «Освобождение труда» в виде предисловия к «Ницете философии», изд. 1885 г.). – Прим. Б.И. Николаевского.

13

Л.Г. Дейч – В.И. Засулич

1885, 24 июня (6 июля)

Томская губ.

Дорогая моя!

Уже две недели, как черепашими шагами двигаемся по Томской губ[ернии]. О неудобствах нашего передвижения – ты сама знаешь, да и я уже описывал их в письме к Мане¹, которая, надеюсь, переслала его тебе. Но тебе, конечно, интересны не только внешняя сторона моей жизни, которую более или менее ты и сама знаешь, но также и внутреннее мое состояние. К сожалению, о последнем немного могу сказать, – не потому, что не имею никакого настроения, а потому, скорее, что разучился письменно излагать его, или, быть может, причиной тому обстановка. Я кажется, упоминал тебе в прежних письмах², что, при выезде из Москвы и особенно по Волге, меня часто одолевала острая тоска, вызывавшаяся воспоминаниями о невозвратном прошлом, на что наводила всякая мелочь окружавшей меня обстановки и попадавшихся видов, а также связанные с этим мысли о предстоящем мне будущем. Но странно; несмотря на уменьшившееся число членов нашей семьи³, несмотря на бедность окружающей меня обстановки и впечатлений, – острых приступов тоски я не испытую⁴. Отчасти это, конечно, объясняется способом нашего передвижения, вызывающим достаточное физическое утомление и не дающим возможности долго останавливаться на одной мысли, на одном ощущении. Трясаясь почти что изо дня в день, в продолжение многих недель, на одноколке, не можешь не только читать, но и думать, сообразить что-нибудь. Все как-то притупляется. Ко всему становишься равнодушным. Внешние виды не настолько хороши, чтобы можно было любоваться ими. Они скоро приедаются. Если и думаешь когда-нибудь во время езды, то преимущественно о бедности местной культуры, о русской – или вернее – сибирской отсталости. Глядя на местные дороги, способы передвижения, учреждения и пр[очее], до чего совсем почти не коснулась цивилизация, невольно пускаешься в философские размышления на тему о причинах этой от-

сталости и о способах, которые могли бы ускорить движение вперед. Меня как «Европейца», как меня величают окружающие, поистине поражает и подчас возмущает эта отсталость. Я иногда задаю себе вопрос: во сколько месяцев или лет создал бы какой-нибудь из передовых европейских народов все то из плодов «цивилизации», чем теперь Сибирь пользуется? И решаю, что в очень немногие. И в такой – а то еще много худшей – обстановке мне придется жить только чрез многие годы! И об этих «плодах цивилизации» я буду мечтать заранее в продолжении нескольких лет, считать месяцы и дни, когда смогу устроиться с теми удобствами, какие доставляет данная «культура»! А между тем я сознаю, что все это мне действительно будет желательно, что я буду рваться в такую обстановку, хотя и признаю ее не заслуживающей никакого внимания. Но до того времени до того отупеешь, до того опустишься, что самая ужасная – по сравнению с действительно культурной – обстановка, лишь бы иная, вероятно покажется раем. Я и теперь уже чувствую, до чего влияет обстановка на меня. Уже и теперь замечаю в себе сильный упадок духа, энергии, какая-то апатия, индифферентизм развивается, не является живого представления о том, чего бы желал, к чему бы стремился и пр[очее], без чего, помнишь, прежде я не мог прожить сколько-ниб[удь] долго: я всегда должен был «строить» что-ниб[удь], если не стремиться, то хоть желать добиваться известной цели, обстановки. Мне понятно теперь, как люди живые, развитые, энергичные начинают «зашибать» в таких обстановках: «живительная влага», хотя и искусственно и не надолго, но все же выводит из обыденного, апатичного настроения; становится приятным возбужденное состояние, хотя бы и вызванное «очищенной». Кстати, в Томске мне сообщили, что Иоська⁵ будто бы сильно зашибает, живя где-то в Якутской обл[асти]. Как мало это на него похоже, а между тем очень возможно. Не более утешительны, хотя и в других отношениях, известия о Юристе⁶. Он, говорят, опасно болен (размягчением костей), почти при смерти, так что Томский губ[ернатор] нашел нужным хлопотать, чтобы его раньше срока отпустили на родину, куда он недавно и уехал. О нравственном его состоянии сообщают также мало утешительного, что, конечно, объясняется его физическим состоянием. Говорят, что он представляет из себя крайнего скептика, вполне во всем изверившегося человека, ничем, вне личных, материальных своих обстоятельств, не интересующегося. Приходько с женой своей Косач, говорят, обзавелись «лошадью, коровой» и пр[очим], и вообще устроились по-мещански. Евгения с Ев[гением] Козловым вернулись на родину.

Впрочем, о знакомых ты, вероятно, знаешь не меньше меня.

Ну, пора кончить письмо. Будь здорова и добра, дорогая. Пользуйся, насколько это возможно, окружающей тебя обстановкой, умней и развивайся еще более. Того же – и вообще всего хорошего – желаю всем друзьям и приятелям. Крепко целую тебя, Жоржа, Розу, Лизу, Павла и др[угих]. Будьте счастливы.

Ваш Ев[гений]

*РНБ АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 670. АД 1/29.13. Л. 1 – 2 об.
Автограф. Публикуется впервые.*

Примечания

⁵ Речь идет о письме к М.Г. Афанасьевой. Сохранилось два письма, написанных Дейчем сестре из Томской губ. Вероятно, речь идет о письме от 8 (20) июня, опубликованном в сборнике «Группа "Освобождение труда"» (Сб. 5. С. 95–97)

² Письма не разысканы.

³ Имеется в виду партия ссыльных. По пути она разделялась на группы, направляемые по разным маршрутам.

⁴ Так в автографе.

⁵ Очевидно, О.В. Алтекман.

⁶ Юрист – революционный псевдоним Г.Н. Преображенского.

1885, 12 (24) июля
Красноярск

С ужасным нетерпением приближался я к Красноярску, ожидая получить здесь много писем от тебя и других мне близких людей; но застал здесь только одно письмо¹ от тебя, зато стало много (конечно, сравнительно) дающее о тебе, родная, сведений, что я отчасти доволен отсутствием других писем: я всецело теперь на нем сосредоточиваю свое внимание, читаю и перечитываю его массу раз, напрягаю свое – в последнее время сделавшееся довольно тугим – воображение, желая проникнуть во внутренний его смысл, прочитать то, чего ты не досказала. Не буду скрывать – да это и было бы совсем напрасно, – что письмо это меня очень огорчило, что ты права была, думая, как мне приятно было рисовать себе твое состояние таким, каким я себе² его предполагал. Но я, конечно, очень, очень благодарен тебе, дорогая, за то, что ты решилась сообщить мне всю правду о себе, как она сама по себе ни тяжела, – мне приятно видеть, что чувствуешь потребность не скрывать от меня ничего, тебя касающегося. Давай, прошу тебя, и впредь тоже не останавливайся перед опасением огорчить меня неприятными и тяжелыми сообщениями: не зная от тебя самой об истинном твоем состоянии, я³ склонен⁴ рисовать себе его, быть может, более мрачными красками, чем каково оно в действительности. Грустно, ужасно грустно, что «теперешнее твое житье несколько темнее, мрачнее того, какое было, когда я жил в Базеле»⁵. Я живо помню и твои рассказы о том твоем состоянии, и мои тревоги за тебя. Судя по письму, ты, пожалуй, в худшем состоянии, чем я, – а уж на что мое неказисто! Я утешаю себе тем, что наилучшее для меня прошло, что в будущем меня не ждут новые тяжелые разочарования, разбитые надежды и планы, – все, что бы ни случилось, будет неизбежным результатом уже случившегося. Я не строю никаких планов, не задаюсь никакими целями: пусть будет, что будет, буду жить, как будет житься. Но если отсутствие «цели в жизни» тяжело при моем положении, когда ее и не может быть, то я понимаю, насколько печальнее сознавать отсутствие ее, будучи на воле. Однако, как ты предполагаешь (хотя, думаю, и неверно), что тебе бы «не было тяжело» в моем положении, так и я согласился бы быть на твоем месте: ты можешь «усердно сидеть за работой, много читать» и в будущем сделаться «чрезвычайно ученой старухой». Я же, при моей обстановке, – при постоянной толкотне, шуме, при столкновении с чрезвычайно раздражительными, больными людьми, при постоянных мелких интересах и т[ак] д[алее], – могу сделаться или чрезвычайно раздражительным, несносным, или апатичным, вполне обленившимся стариком, или тем и другим вместе, что отчасти уже и теперь начинает проявляться, к великому моему огорчению. Как видишь, дорогая, ты ошибаешься, надеясь, что

я «не потеряю бодрости, буду извлекать из жизни все то хорошее, что только возможно». Беда в том, что обстановка, внешние условия сильнее нас: незаметно, капля за каплей, изо дня в день они налагают на нас свой отпечаток, изменяют⁶ нас настолько, что не только другие, но и сам себя не узнаешь, удивляешься себе. Сила воли, нежелание поддаваться внешнему влиянию имеет, мне кажется, лишь там место, когда ты можешь, если не изменить сколько-нибудь эти условия, то хоть поменять свою обстановку, искать лучшую, более соответствующую⁷ твоим желаниям и привычкам. Вот ты хоть можешь «не видеть народа», уединиться, пойти или съездить к кому пожелаешь и т[ак] д[алее]. Так до чего же скверно можно себя чувствовать, будучи постоянно на людях, когда тебе никого не хочется видеть, быть насильно связанным с тем или другим субъектом, от к[о] т[о]рого ты хотел бы быть за много миль, давать посторонним и, б[ыть] мож[ет], совсем несимпатичным тебе людям возможность читать на твоём лице малейшие выражения, узнавать твоё настроение и насильно влезать в твою душу! Неужели тебе «не было бы тяжело» на моем месте? Сильно сомневаюсь, дорогая. Тебе еще не приходилось жить в подобных обстановках, и ты упускаешь из виду, что вообще я общительнее тебя, скорее схожусь с людьми, следов[ательно], я должен легче тебя переносить все неудобства моей обстановки. Ты думаешь, что легче⁸ доживать свой век при такой обстановке, когда внешние условия как бы санкционируют бесцельность существования. Это верно только относительно. Так, я еще допускаю, что, при некоторых благоприятных условиях, можно сносно доживать свой век на поселении, но никоим образом – на Каре. Впрочем, будем жить – увидим.

Я ужасно рад, что ты уже и теперь хорошо знаешь полит[ическую] экономию, и в этом отношении завидую тебе. Буду из всех сил стараться серьезно предаться изучению всяких наук и возлагаю на тебя надежды, что ты в отношении книг б[удешь] помогать мне. При случае, покупай книги, напр[имер] классиков полит[ической] экон[омии] (Ад[ама] Смита, Риккардо, Мальгуса) – в подлиннике: я везу с собой учебник англ[ийского] языка. Со временем, напишу тебе, чтобы ты их выслала. Лучше всего через сестру Маню: она, я уже писал тебе, намерена со временем приехать ко мне из Казани. Ты не сообщалась, переслала ли она тебе мои письма и «Евгения Онегина»? Не получив от нее письма, я теперь беспокоюсь за нее, не случилось ли с ней чего? Она славная, симпатичная и, как оказалось, привязана ко мне, что меня очень радует: теперь я особенно дорожу привязанностью дорогих людей.

Книг с собой в дорогу имею довольно много, больше по беллетристике (соч[инения] Гл[еба] Успенского, Шекспира и т[ому] п[одобное]). Но вообще читаю мало. Мы все преимущественно спим, едим и в промежутках двигаемся черепашьими шагами на восток. До чего однообразно, бессмысленно и скучно наше передвижение, – я уже писал тебе. И такой жизни нам предстоит еще 3–4 месяца! В середине сентября будем в Иркутске, где надеюсь застать от тебя, Лизы и др[угих] несколько писем; а в октябре будем в Чите, куда также напиши (тоже на адрес канцелярии Его превосходительства г[осподи]на губернатора Забайкальской обл[асти]). Два месяца скучнейшего пути без всяких вестей от тебя и др[угих]! А там и того хуже. Ты знаешь, дорогая, что я от всей души желаю, чтобы ты чувствовала себя не так, как теперь, чтобы жизнь твоя была для тебя полна интереса и цели; но одних моих желаний, советов и просьб для этого недостаточно. Сознание своего бессилия в этом отношении меня немало также огорчает. А как бы я рад был, если бы ты была довольна жизнью!

Но ничего не поделаешь! Прощай, милая, дорогая моя. Целую тебя много, много раз, а также всех близких. Какая досада, что Жорж и Павел не получили моего письма¹⁰; я так много сообщал им интересного по части¹¹ наблюдений и бесед с московскими моими знакомыми. Верно ли, что Павины разорились и что причиной тому? Сколько №№ выпустил их мастер¹²?

Лизика целую крепко, – я ей напишу особо¹³.

*РНБ АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 670. АД 1/29.14. Л. 3 – 4 об.
Автограф. Публикуется впервые.*

Примечания

- ¹ Не разыскано.
- ² Слово «себе» зачеркнуто.
- ³ Далее одно слово вымарано.
- ⁴ Далее вымарано слово.
- ⁵ См.: Из архива П.Б. Аксельрода. Вып. 1: 1880–1892 гг. М., 2006. С. 151–155.
- ⁶ В слове «изменяют» вымарано приписанное «видам».
- ⁷ Часть слова вымарана и надписана сверху.
- ⁸ Далее два слова вымарано.
- ⁹ «Евгений Онегин» – роман в стихах А.С. Пушкина. Очевидно, в книге «химией» было написано конспиративное письмо.
- ¹⁰ Письмо не разыскано.
- ¹¹ Последующий текст, до конца абзаца, написан по периметру последней страницы письма.
- ¹² «Лавра» – псевдоним М.Н. Ошаниной. Речь идет о прекращении издания журнала «Вестник "Народной воли"». На самом деле издание было прекращено из-за дефицита финансов на № 5 в 1886 г.
- ¹³ Это предложение приписано по верхнему полю оборота первой страницы письма.

15

Л.Г. Дейч – В.И. Засулич

*1885, 28 июля (9 августа)
Канск Енисейской губ.*

Дорогая моя!

Недели 2 тому назад я получил твое письмо в Красноярске и тогда же ответил¹; теперь, хотя и нет никакой особенной темы для письма, пишу снова, чтобы не изменять своему правилу – писать тебе из каждого попадающегося по дороге города. Я знаю, как приятно тебе получить хотя и бессодержательное письмо мое, которое все же даст возможность сделать приблизительное заключение о моем житье-бытье. В общем из писем и рассказов ты, конечно, представляешь себе мою жизнь, обстановку, но это представление, вероятно, настолько же разнится от действительности, насколько и мое, когда я мысленно переношусь к Вам, хотя мне, собственно, должно было бы быть легче рисовать себе близкую к действительности картину твоей жизни, так как я был в Швейцарии, ты же не была здесь. Избитая истина, что никакие рассказы и описания не могут вполне живо представить обстановки и обстоятельств, в которых мы не были; мне часто приходится теперь убеждаться в этом. Несмотря на множество рассказов и описаний путешествий по Сибири, действительность всегда является мне

иной, чем я ее себе заранее рисую. Мне, напр[имер], представлялся довольно приятным процесс этапного передвижения в кругу товарищей, но, хотя внешние условия довольно благоприятны нам, – погода все время стоит прелестная, никаких материальных лишений мы не испытываем, недоразумения с властями если и случаются, то незначительные, – все же хотелось бы, чтобы поскорее уже окончилось это странствование, все же подчас бываю в сквернейшем настроении, о каком-то я и не воображал, сидя в Москве, и с чем может сравниться лишь мое состояние, когда я сидел в Одессе. Конечно, кроме общих причин – предстоящее мне невеселое будущее – немаловажную роль здесь играют и условия, в которых нахожусь. Но об этом я уже писал тебе, да, собственно, и не стоит долго останавливаться, так как, кому же не известно, что в моем положении бывают разные настроения. В общем же, повторяю, не могу пожаловаться, и если в дальнейшем пути все так же будет нам благоприятствовать, то, конечно, впоследствии из памяти изглядятся неприятные мелочи и останется только одно приятное² воспоминание.

Ты сообщала в последнем письме, что Павины разорились³. Хотя и можно было ожидать, что это случится, но все же я не думал, что так скоро. Вероятно, причиной тому – внутренние несогласия, глав[ным] обр[азом], а не недостаток материальных средств, так как, хотя 3 №№, которые мне пришлось видеть, оставляют много желать, но все же это предприятие могло рассчитывать на поддержку публики. Читал я также – уже перед самым выездом – первую половину «Разногласий»⁴. Я тогда вкратце написал Жоржу свое мнение об этой половине⁵. Теперь с трудом припоминаю, что особенно меня поразило; кажется, чересчур полемический характер этого произведения и обилие ссылок и цитат, вследствие чего непривычный читатель теряет нить изложения. Не будь этих недостатков, произведение это значительно выиграло бы, хотя и в том виде, в каком оно является, оно может многое дать читателю. Боюсь, что публика недостаточно серьезно отнесется к этому произведению и сделает, как это мне уже приходилось слышать, краткий вывод: «ругается». Сообщи, конечно, в общих чертах, как отнеслись к этой книге и вообще, что еще вышло нового. Появился ли уже перевод «Misere de la Philosophie»⁶? Напечатаны ли популярные брошюры Павла?⁷

Очень обрадовало меня твое сообщение, что «в ближайшем будущем вам не грозят кредиторы и вообще все вам удастся». Хотелось бы поподробнее узнать о вашей жизни, хотелось бы хоть одним глазком взглянуть на вас, но, увы! Последнее, вероятно, никогда не случится. Не могу, да и не хочу утешать себя приятными надеждами: мои «мечты» так часто и сильно разбивались, что поневоле стараюсь ни на что не надеяться, не заглядывать в отдаленное будущее. Но не могу сказать, чтобы я окончательно отделался от некоторой доли веры в «предчувствия», а она-то мне ничего и не говорит о возможности встречи с вами вообще и с тобой в частности.

Но будем, если нельзя часто, то хоть изредка в письмах сообщать друг другу о житье-бытье каждого. Не могу сказать, чтобы ты была очень щедра в этом отношении, хотя, правда, тебе не везло с письмами ко мне. Пиши же, дорогая, в Иркутск (к середине сентября) и в Читу – Забайк[альской] обл[асти] (к середине октября). Что подельывает Жорж и Роза? Что он читает и пишет? Кончила ли уже Роза?⁸ Как движется кефирное заведение Павла?⁹ Оканчивает ли он или бросил университет?¹⁰ Всем, всем сердечный привет и наилучшие мои пожелания.

Лизенок, от Вас я тщательно ожидал получить, так как Вы обещали, много писем в дороге. Спасибо Вере, что сообщила немного о Вас в последнем письме, — меня очень обрадовало известие, что Вы «ходите совсем как человек». Пишите, что Вам сообщает Яков. Ну, целую вас обоих крепко, крепко.

Ваш Лев

РНБ АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 670. АД 1/29.15. Л. 5 — 6 об.

Автограф. Публикуется впервые.

Примечания

¹ См. док. 14.

² Слово «приятное» написано поперех «отрадное».

³ Речь идет о прекращении издания «Вестника "Народной воли"». См. прим. 12 к док. 14.

⁴ Имеется в виду книга Г.В. Плеханова «Наши разногласия», написанная летом 1884 г. и вышедшая в начале 1885 г. в Женеве в типографии группы «Освобождение труда» третьим выпуском «Библиотеки современного социализма». Кроме того, в журнале «Общее дело», издававшемся в Женеве, было опубликовано предисловие к этой книге под названием «О разногласиях: Письмо в редакцию» (1885. № 71).

⁵ Письмо Г.В. Плеханову не сохранилось.

⁶ «Miserere de la Philosophie» — Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона (1847) — одно из первых произведений зрелого марксизма, направленное против идеолога мелкой буржуазии П.Ж. Прудона. В переводе В.И. Засулич опубликовано в серии «Библиотеки современного социализма» в 1886 г.

⁷ В 1883 г. группой «Освобождение труда» был начат выпуск изданий в серии «Библиотека современного социализма», кроме этого с 1885 г. группа приступила к изданию серии «Рабочая библиотека». В 1885 г. в рамках этой серии в Женеве вышла брошюра П.Б. Аксельрода «Рабочее движение и социальная демократия» с приложением объявления об издании «Рабочей библиотеки».

⁸ Имеется в виду обучение Р.М. Плехановой на медицинском факультете Женевского университета (1883—1885), по окончании которого она получила степень бакалавра медицины. С 1890 г. получила право заниматься врачебной практикой в Женевском кантоне.

⁹ См. прим. 36 к док. 4.

¹⁰ П.Б. Аксельрод много раз начиная с 1882 г. собирался поступить в Цюрихский университет. Это намерение он так и не реализовал.

16

Л.Г. Дейч — В.И. Засулич

1885, 17 (29) августа

Нижне-Удинск Иркутской губ.

Как видишь, дорогая, мы, несмотря на 3-х месячное уже путешествие, добрались всего до Иркутской губ[ернии], а до г[орода] Иркутска (482 вер[сты]) нам остается еще целый месяц ходьбы! Там надеюсь застать, по крайней мере, два¹ письма от тебя и столько же от Лизы, Павла и Жоржа, может быть, чему бы я был несказанно рад. Теперь, за неимением новых писем, я перечитываю твое последнее, полученное мною в Красноярске. Надеюсь, ты уже получила посланные мной, в ответ на это, два письма². Мне было бы очень прискорбно, если бы ты их не получила. Жалею, что не послал их заказными, а то, говорят, сибирская почта не отличается большой аккуратностью. Хотя письма мои и не богаты содержанием, но я знаю, что они, тем не менее, доставляют тебе большое удовольствие. Да и трудно ожидать содержательных писем от меня в положении, в каком я нахожусь, не говоря уже об отсутствии материала, прона-

дает всякая способность писать письма. Впечатлений крайне мало, если не сказать вовсе никаких, интересы – очень мелки. К тому же мне все кажется давно всем известным, сотни раз повторенным, слышанным. Ну, кому же не известно, что передвигаться шагом по 20–25 вер[ст] в день, связывать и развязывать ежедневно свои вещи, в продолжении многих месяцев – скучно, что сибирские дороги, идущие среди дикой, однообразной тайги, скверны, после дождей в особенности, что здесь попадаются деревни иногда только на расстоянии 20–25 вер[ст] одна от другой и т[ак] д[алее]. И, тем не менее, некоторые из товарищей находят возможным вести дневники. Но, Боже, что это за дневники! Гоголевская Коробочка³, несомненно, нашла бы в них большой интерес, так как в них авторы аккуратно заносят прейскурант цен местных продуктов. Но кому, кроме Коробочки, может быть интересно, что в такой-то деревне кувшин молока стоит столько-то, а в другой больше или меньше? Авторы описывают также расположение этажных домов (и где на ночь ставятся в них «парашки»), попадающиеся нам по пути виды, которые подчас действительно недурны и т[ому] п[одобное]. Но все это малоинтересно, если не сказать вовсе безынтересно. Я не хочу утверждать, что наша жизнь и обстановка не представляет абсолютно никакого материала для устной беседы или для талантливого наблюдателя. Среди массы известного, пережеванного попадаетея подчас кое-что пикантное, оригинальное, как по части местных нравов, так и жизни уголовных арестантов, с которыми мы идем вместе вот уже 4-й месяц. Но ни в письме, ни в дневнике не передашь этого, – оно будет там отрывочно, бесцветно. В общем, повторяю, путешествие наше все же недурно, а подчас доставляет даже некоторое удовольствие. Погода до сих пор нам продолжает благоприятствовать, дожди случаются редко и то небольшие, пища наша хороша, этапы сносны. Кстати, в последних иногда попадаютсся надписи предшествовавших в прошлые годы товарищей и между ними Дмитро⁴, который, представь себе, не только посылает мне и вам поклон и приветствия на стенах и нарах, но однажды написал даже несколько строк мне, в которых упрекает, почему я ему не писал! И это в [18]83 г[оду], – словно он предчувствовал, что я скоро сам буду здесь же проходить и прочту это. Меня эта надпись и удивила, и обрадовала, и навела на всякого рода размышления и воспоминания... Последним занятием я вообще предаюсь редко: не такие среда, обстановка, да и разучился я уже как «размышлять» о чем-нибудь, так и «вспоминать» прошлое. Не занимаюсь я также «наблюдениями» и «изучением характеров», к чему, по твоим словам, у меня есть склонность, потому что уже все «наблюл»⁵ и «изучил» что возможно было, но было-то за это время очень мало. Читаю я довольно много, хотя большей частью беллетристику, но также и серьезные книги. Газеты попадаютсся нам очень редко, да и то преимущественно «Правит[ельственный] вест[ник]», из которого узнаем о назначениях, повышениях, наградах, но иногда и о других выдающихся событиях в России и за границей. Судя по попадавшимся нам известиям, повсюду тишина и спокойствие. Мне случилось, между прочим, прочитать где-то, что среди немецкой социал-демократии начались раздоры и несогласия, причиной которых будто бы «диктаторские наклонности и стремления Бебеля»⁶? Хотя я и не верю корреспонденту, но допускаю, что что-нибудь и вышло у них. Сообщи, конечно, в самых общих чертах, что там у них происходит. Надеюсь, что ты не упустишь времени написать мне в Читу (на адрес канц[елярии] губ[ернатора]), где будем приблизительно в половине октября, а затем к концу ноября – в Нерчинск, на адрес Его Высочества г[осподи]на

исправника для следующего с первым политическим этапом госуд[арственных] преступ[ников] такому-то. В Нерчинске надеюсь получить последнее твое письмо в пути.

Пиши, дорогая, о себе побольше, а также и о близких.

Не помню, писал ли я тебе, что по пути, кроме Томска, мы видались в городах с находящимися там в ссылке родственниками; положение их, в большинстве случаев, невеселое: тоска, безделье и безлюдье одолевают. Но я, признаться, с некоторой завистью смотрел и на эту жизнь их: когда-то мне еще придется хоть так, как они устроиться?! Ну, да что думать о будущем: что будет, то будет.

Всего тебе хорошего, милая, дорогая моя. Не тоскуй, не заглядывай в даль. Обнимаю и целую тебя крепко, крепко: тоже и Лизу, Жоржа, Павла, Розу и других близких, не забывающих меня. Будьте же все здоровы и счастливы.

Ваш Лев

*РНБ АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. 670, АД 1/29.16. Л. 7 – 8 об.
Автограф. Публикуется впервые.*

Примечания

¹ Слово «два» написано над зачеркнутым «три».

² См. док. 14 и 15.

³ *Коробочка* Настасья Петровна, помещица, коллежская секретарша – один из персонажей поэмы-романа Гоголя «Метровые души». Ее фамилия стала нарицательной для обозначения скупости, бережливости, мелочной жадности.

⁴ Я.В. Стефанович шел этапом на каторгу в 1882–1883 гг.

⁵ Так в автографе.

⁶ «Диктаторские наклонности» Бебеля проявились в период действия Исключительного закона против социалистов («Закона против вредных и опасных стремлений социал-демократии»), действовавшего в 1878–1890 гг. Бебель боролся за восстановление разгромленных полицией партийных организаций, давая отпор как левым анархистским элементам, так и правым оппортунистам и успешно руководил как нелегальной, так и парламентской деятельностью партии.

17

Л.Г. Дейч – В.И. Засулич

1885, 18 (30) сентября
Иркутск

Милая, дорогая сестра!

Наконец-то по прибытии сюда получил все твои письма и деньги, а также и письма сестер, адресованные в Томск (твое)¹, Красноярск (их) и Иркутск (твое и их)². Ты представляешь себе, как меня обрадовало получение твоих писем, т[ак] к[ак], не получая до Иркутска, никаких известий от тебя, я очень беспокоился. Последнее твое письмо от 25-го июня (с 30 руб[лями]); в нем ты обещаешь, что³ вскоре еще написать, но вот уж более 2 ½ мес[яцев] с тех пор, а от тебя нет писем. Трудно предположить, чтобы ты за это время не писала, но так же невероятно, чтобы пропало письмо, т[ак] к[ак] лица, через руки которых проходят здесь наши письма, аккуратно доставляют нам всю корреспонденцию. Газеты, присланной тобой, как и вещей, я также не получил. С запросом о последних я уже обратился в Тюменский приказ о ссыльных⁴, прося выслать их на Кару. Но раз у тебя сохранилась квитанция или можешь указать на время, когда их выслала, то хлопочи, дорогая, через почту.

Сестры³ все жалуются в письмах ко мне, что ты не сообщасшь им своего адреса, т[ак] к[ак] ты будто бы написала, что меняешь квартиру и вышлешь им новый адрес. Посланные тобой им письма они получили. Сообщи им, пожалуйста, немедленно свой адрес и напиши им, пусть вышлют тебе 2-ой том «Капитала», а также вообще вновь вышедшие иностранные книги (на всех новых яз[ыках]), в том числе Thierry – L'histoire du tieres état⁶, книгу Генри Джорджа – Fortschit etc.⁷ (на англ[ийском] яз[ыке]), – словом, предоставляю им выбирать и, по мере приобретения, посылать тебе. Когда, по приезде на место, узнаю, каких русских книг нет там, я буду обращаться к тебе. Если у тебя есть лишние деньги, то пришли нам табаку, а также казанского мыла, конечно, все это нужно в изрядных размерах. Как сообщают, на Каре фунт сахару стоит 50 коп[еек], поэтому, если через транспортную контору можно дешево послать и если у тебя будут деньги, то не лишнее и сахар получить. Да, и вообще время от времени старайся посылать натурой те продукты и вещи, к[о]т[о]рые там втридорога, но, конечно, имея лишние деньги, не отказывая себе из-за меня ни в чем.

Ты просишь сообщить тебе поподробнее о нашем путешествии. Но, право же оно до того однообразно и скучно в общем, что рассказывать почти нечего. Нельзя, конечно, сказать, чтобы в продолжении 4-х месячного нашего путешествия не попадалось мне ничего интересного, ничего выходящего из ряда вон, ничего волновавшего меня, но, главным образом, все эти исключения состояли в незначительных недоразумениях с властями, которые всегда благополучно кончались и теперь представляются до того ничтожными, что упоминать о них не стоит. Но нужно сознаться, что, в общем, перекочевывание наше совершается при сравнительно очень благоприятных условиях, в числе которых играют видную роль стихии: за все 3 месяца медленного этапного передвижения (от Томска) нас вовсе почти не мочил дождь. Затем в большинстве конвоировавшие нас офицеры (всех счетов до Иркутска было более 30) и всякого рода представители администрации и юстиции бывали достаточно предупредительны и вежливы с нами, а это – главное. Скучать да и тосковать не приходилось особенно; некоторый интерес представляло путешествие, хотя и безобразно медленное, по незнакомым местам, приходилось узнавать и кое-что о нравах и особенностях местного населения; также небезынтересно непосредственное столкновение с уголовной партией (более 300 чел[овек]), с которой пришлось пройти вместе 3 мес[яца]. К тому же, приезжая на дневки (через день), я и читал довольно много. Как пойдём отсюда дальше – ещё неизвестно. Если тем же этапным способом, то будем на месте в конце ноября, если же с жандармами, что иногда практикуется, то в середине октября, но вернее первое. Хотя мне, с одной стороны, хотелось бы уже скорее быть на месте, но, с другой, ничего не имею и против этапного дальнейшего передвижения, т[ак] к[ак] и оно имеет свои удобства; в последнем случае нам придется и на санях ехать, что мне очень желательно. Не надеюсь уже более от тебя получить письма в дороге. Пиши, дорогая, на Кару так:

В Жандармское Иркутское правление для передачи на Нижне-Карийскую политическую тюрьму (такому-то).

Если не будешь получать от меня извещений, то знай, что не по моей это вине, и все же продолжай писать мне и пересылать письма других сестер. Нечего и повторять, как я буду рад и благодарен тебе, если действительно со временем осуществится твое намерение приехать ко мне. Но это, дорогая, может осуществиться очень не скоро. А до тех пор не переставай писать мне сколь воз-

можно чаще. Относительно меня, без всяких обещаний, можешь быть уверена, что при малейшей возможности буду делать то же. Будь же здорова и счастлива, дорогая, хорошая сестра. Всего, всего тебе наилучшего от всей души желаю. Береги свое здоровье, не забывай меня, исполняй мои (и сестер) поручения, вот все мои просьбы к тебе. Целую тебя крепко, крепко и много, много раз, а также и сестер. Моим товарищам детства я также шлю самый сердечный привет и всевозможные пожелания, а также и просьбу являться к тебе на помощь в сколько-нибудь затруднительных случаях. Сообщи им это. Ну, еще и еще целую тебя, дорогая, а также и твою девчонку. Товарищи мои кланяются тебе.

Любящий тебя брат Лев Дейч

РНБ АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 670. АД 1/29.17 Л. 9 – 10 об.
Автограф. Публикуется впервые.

Примечания

¹ Письмо не разыскано.

² Письма не разысканы.

³ «Что» вставлено сверху строки.

⁴ Тюменский приказ о ссыльных – государственное учреждение, созданное в 1823 г. для регистрации ссыльных и распределения их по Сибири. Именно в Тюмени каторжных заковывали в кандалы и отсюда начинался «кандалный путь». Приказ упразднен в 1904 г. с передачей его функций Главному тюремному управлению.

⁵ То есть В.И. Засулич, Е.А. Хотинская и др.

⁶ Имеется в виду книга: *Thierry. Essai sur l'histoire de la formation et de progrès du tiers-état*. Paris, 1853.

⁷ Имеется в виду книга: *George H. Progress and Poverty*. N.Y., 1879. Вышла на русском языке под названием «Прогресс и бедность по Генри Джорджу» (СПб., 1884). Аксельрод написал статью с разбором этой книги. Она была напечатана в № 8 и 9 журнала «Дело» за 1883 г.

18

Л.Г. Дейч – В.И. Засулич

1885, 25 сентября (7 октября)
Иркутск

Милая, дорогая моя!

Ну вот я и в Иркутске и, к великому моему удовольствию, застал три письма от тебя¹ и два от Лизы, кроме трех писем от Мани. Ты представляешь себе, как они меня обрадовали; они хоть далеко не полны, но все же дали мне некоторое представление о твоей жизни и о состоянии семьи². Огорчило меня известие, что Жорж³ и Дрезденский⁴ заболели, но утешаю себя мыслью, что теперь они оправились: воздух Кларана, куда ты их повезла лечиться, должен был благотворно повлиять на состояние их здоровья. Не позволяйте Жоржу чрезмерно изнурять себя занятиями: при его слабом сложении ему совсем не трудно надорвать его. Очень благодарен ему за немногие строки, которые он вывел слабой рукой. Откладываю ответ ему до другого раза, так как сегодня не совсем это мне удобно: мои воспитатели⁵ придирчивы к моей переписке. По странной их логике, ученик может получать от всех близких письма, но он не должен им отвечать, пока не станет самостоятельным человеком. Это заявление их мне очень меня огорчило: уже теперь я, значит, перехожу на положение Мити⁶. Но меня

выручают здешние родственники⁷, которые, конечно, не согласны с этой педагогической системой и дают мне возможность, как видишь, быть и теперь уже самостоятельным. За исключением этого стеснения, менторы, к счастью, ни в чем меня не ограничивают, и жизнь моя течет так же, как и раньше, обстановка также удобна, в выборе товарищей также свободен: живем на общей квартире⁸ и пр[очее]. Я понимаю теперь, почему Лиза не получает известий от Мити, его также признают, вероятно, несамостоятельным, но думаю, что ему ее письма вручают. Впрочем, вот в декабре, верно, увижу его, тогда постараюсь дать вам знать. О его жизни я узнал более точно: здесь я виделся с одним его сослуживцем, прослужившим с ним в одном полку там два года⁹. Оказывается, что раньше сообщенные мне сведения не совсем точны: сослуживцы, хотя и недовольны им за старые его промахи, но вовсе не враждебно настроены¹⁰, – короче, он потерял лишь «свой престиж», по удачному выражению Маруси (жены Мишки)¹¹, с которой, к слову сказать, я подолгу ежедневно болтаю о всякой всячине. Она все та же, что и была раньше, и мы с ней встретились, как родные, чему она ужасно рада. Положение ее далеко не завидное: опекуны всячески стесняют ее, как и трех остальных золовок, лишают их всего необходимого и делают их жизнь подчас далеко не завидной. Раз даже они побудили ее и остальных сесть на диету¹², на какой они пробыли целых шестнадцать дней. Я представляю себе, до чего это было им неприятно, ты как помнишь, я сам в прошлом году пробыл на этой же диете три дня. Но разница между тем моим положением и их еще в том, что они все эти дни не могли наслаждаться даже и тем светом и теплотой, которыми я тогда пользовался, – эти две потребности тоже были доведены до полного отрицания. Заметь к тому же, что я был тогда на юге и то было осенью; они же здесь сидели на диете зимою. И все эти гигиенические приемы вызваны были сушими пустынями расстройств здоровья этих бедных больных. После этой системы лечения врачи убедились в крепости их организмов (когда они стояли уже на краю могилы), почему и предоставили им все удобства для¹³ выздоравливающих. Впрочем, это продолжалось недолго, – весной они¹⁴ снова принуждены¹⁵ были сесть на 75 дней на полудиету! Просто поражаюсь, откуда у этих милых и слабых созданий берутся силы выносить такую варварскую систему лечения: вот еще наглядное доказательство, какие ужасные испытания может выносить человек при внутреннем сознании своей правоты. Она шлет тебе приветствия и поцелуи, если, как она говорит, ты «еще помнишь ее», и просит тебя передать Мише буквально следующее: «Нельзя придумать никакого объяснения его молчанию; если он вычеркивает меня из своей памяти, то следует мне сказать это, п[отому] ч[то] помню его последнее письмо за [18]82 г[од], в котором он пишет, что не забыл меня, а потом больше 2-х лет опять молчание. Это нехорошо для него и оскорбительно для меня».

Я слово в слово списал то, что она сама написала для передачи ему. Если тебе почему-нибудь не совсем удобно, неловко передавать это ее поручение, то повремени немного: с одним из следующих писем перешлю тебе письмецо от нее к нему; но если такового долго не будет, то – нечего делать, передай ему сама ее выговор.

О том, что Миша уже женат, я не счел удобным ей сообщить: это ее очень бы огорчило¹⁶.

Ты жалуешься, что Маня тебе не пишет, а она, в свою очередь, тому же удивляется. Очевидно, вышла какая-нибудь путаница. Постарайтесь списаться, а то я не знаю, смогу ли всегда непосредственно писать тебе. Маня снова повторя-

ет о своем намерении приехать со временем ко мне, на что я, б[ыть] м[ожет], и соглашусь, когда стану на ноги. Теперь она выражает готовность помогать мне в материальном отношении. Но она, очевидно, стеснена в деньгах. Поэтому, когда у тебя будут лишние, – хотя трудно предположить это: откуда они у тебя возьмутся? – то изредка посылай ей. Но прошу тебя не отдавать последних, не стеснять себя и семью из-за меня. Раз я уже на месте, я проживу и со скудными средствами. Словом, прошу тебя никаких особенных забот о моем матер[иальном] состоянии не иметь. Вот, разве только, относительно книг.

Только что я получил твое последнее письмо, которое ты пишешь по возвращении из Кларана и в котором сообщаешь об отъезде Жоржа и Дрезд[енца] в Цюрих, о скором приезде Ани и Миши с женой, о том, как ты провела лето за окончанием работы Ник[олая] Ник[олаевича]¹⁷ и за чтением тяжеловесной книги. Огорчает меня очень твое сообщение, что ты, несмотря на чудное лето, совсем почти не наслаждалась им, не гуляла вовсе, а сидела все за работой. Ведь этак ты совсем изнуришь себя, окончательно расстроишь свое здоровье, которое и без того расшатано было. К тому же я представляю себе, что ты по-прежнему скверно питаешься и вообще продолжаешь относиться к себе, как злой хозяин к ненужной ему лошади. Хотя я и предполагаю, что мои просьбы беречь себя мало помогут, но все же продолжаю просить тебя и настаивать, чтобы ты, хоть ради меня, относилась к себе внимательнее.

Я просил, уже Маню, чтобы передала тебе мою просьбу выслать мне 2-й т[ом]¹⁸, за который, как только его получу, сейчас же и возьмусь. Жалко, что он – такой тяжеловесный «кирпич», как говорит Жук¹⁹, – он еще менее, значит, будет доступен публике. Не знаешь ли, переводится ли он уже и кто именно взялся за это²⁰? Ведь теперь Герман Алекс[андрович]²¹ не может уже явиться конкурентом. Да, ты как-то сообщала, что старик заболел; оправился ли он уже?

Бедный Дрезденец, ты сообщаешь, расхворался серьезно! Он славный парень, насколько я его знаю, и я очень, очень рад, что он сроднился с нашей семьей. Это известие меня несказанно обрадовало. Ты права в своей характеристике его, – он, действительно, честный и добрый труженик, который, раз сроднившись, целиком будет уже предан семье своей. Полное отсутствие в нем оригинальности или «искорки», как ты выражаешься, еще не недостаток: большинство хороших, даже крупных людей не отличается часто присутствием этой «искорки»; у многих она очень поздно развивается, а основные его черты – искренность, добросовестность, преданность и трудолюбие, если последнее у него, как мне кажется, в достаточной дозе, – то с этими чертами можно при подходящей среде, обстановке многое можно преодолеть, усвоить. Совсем не беда заимствовать у другого взгляды, теории, – вопрос лишь в том, что заимствуешь. Что толку в «оригинальничаньи» Павы с родственниками²² или даже Миши? А в ведении практического дела, я уверен, у каждого смертного может развиться сноровка, находчивость, умение приравниваться к обстоятельствам, раз только данное лицо полюбит, отдаться своему занятию, сосредоточить на нем свое внимание, не будет разбрасываться.

Но я незаметно увлекся и вдался в «теорш», рассуждения, до которых последние дни я снова стал склонен, после очень долгого периода полнейшего равнодушия к каким бы то ни было разговорам и спорам. Господствующее мое настроение – полная апатия не только ко всему меня окружающему, но даже, когда задевается мое самолюбие; большей частью я даже не чувствую его в себе, не оскорбляюсь, когда меня лично оскорбляют, к чему, помнишь, я был так чув-

ствителен; «не все ли мне равно, как будет ко мне относиться тот или другой», подумаешь, и только. Я, наконец, стал думать, что у меня совсем нет нервов. Но подчас обнаруживаю их присутствие, особенно, когда круглый невежда – а им несть числа – с апломбом берется судить о вопросах, о которых он не имеет никакого понятия. В таких случаях у меня иногда является стремление круто оборвать его, ткнуть его носом, что он ни аза не смыслит. Я сам знаю, что это нехорошая манера, но подчас не могу сдержаться, чтобы не сорваться. Впрочем, повторяю, это редко случается, и я еще не уяснил себе, действительно ли это для меня нехорошо. Говорю «для меня», т[ак] к[ак], при однообразии нашей обстановки, развивающей апатию, б[ыть] м[ожет], бесполезно хоть изредка испытывать возбуждение, даже и не могущее быть похвальным; преследуй я какие-нибудь цели, желай я добиться известного отношения публики, тогда другое дело. Но, живя изо дня в день, трудно задаваться какой-нибудь целью, а тем менее – целью сговориться, изгладить взаимные несогласия даже не по общим вопросам, а по самым частным, особенно, когда имеешь дело с людьми, с которыми ты сегодня вместе, а завтра, б[ыть] м[ожет], навсегда расстанешься. Другое дело, когда останусь на месте: там я заинтересован, как поставить себя с первого дня. Ну, спешу закончить, откладывая до другого раза. Всего, всего тебе хорошего, дорогая моя. Крепко целую тебя и всех.

Твой Женя.

Маруся²³ шлет тебе и Ане поцелуй и просит написать ей на адрес здешних Гомбах[...]²⁴.

Ане, Лизе, Жоржу, Павлу и др[угим] родным передай мои сердечные пожелания и благодарность за память. Развеселило меня очень, как ты Жоржа обманула 1-го апр[еля] и разговоры Ани обо мне с духами²⁵.

Лизе (и тебе) я пишу одновременно особо. Напрасно ты не²⁶ даешь понять мне выдержками, намеками, какие письма ты получаешь. Имей это в виду. Ты, конечно, понимаешь и исполнишь это в следующий раз²⁷.

РНБ АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 670. АД 1/29.18. Л. 11 –
12 об. Автограф. Публикуется впервые.

Примечания

- ¹ Письма не разысканы.
- ² То есть группы «Освобождение труда».
- ³ См. прим. 6 к док. 12.
- ⁴ «Дрезденский юноша» – О.Е. Слободковой.
- ⁵ То есть надзиратели.
- ⁶ Я.В. Стефановича.
- ⁷ То есть ссыльные.
- ⁸ То есть общей камере Иркутского тюремного замка.
- ⁹ То есть 2 года вместе с ним проживший в одной каторжной тюрьме.
- ¹⁰ Речь идет о подозрениях народолюбцев относительно Я.В. Стефановича в сотрудничестве с полицией.
- ¹¹ *Маруся* – М.П. Ковалевская. *Мишка* – В.К. Дебагорний-Мокриевич.
- ¹² Очевидно, речь идет о голодовке.
- ¹³ Предлог «для» вставлен сверху другими чернилами.
- ¹⁴ «Они» написано другими чернилами поверх местонамения «их».
- ¹⁵ В этом слове несколько букв исправлены другими чернилами.
- ¹⁶ Это предложение написано отдельно, на стиге развернутого внутреннего листа письма.
- ¹⁷ Очевидно, Н.Н. Лопатин. О какой его работе идет речь, установить не удалось.
- ¹⁸ 2-й том «Капитала» К. Маркса был издан Ф. Энгельсом в 1885 г.

¹⁹ Жук – Н.И. Жуковский.

²⁰ Этот перевод будет сделан Н.Ф. Даниельсоном в 1885 г.

²¹ Имеется в виду Г.А. Лопатин, который начал перевод первого тома «Капитала», завершённый Н.Ф. Даниельсоном, который окончил работу над переводом в 1872 г. Русское издание вышло в свет в Петербурге в 1872 г. и явилось первым иностранным переводом этого труда К. Маркса. В период, к которому относится письмо Дейча, вышел второй том «Капитала», над подготовкой его русского издания также работал Даниельсон. Том готовился по свежим следам немецкого оригинала под редакцией Ф. Энгельса. Даниельсон делал перевод с корректурных и чистых листов, которыми снабжал его Энгельс. Первое русское издание второго тома вышло в январе 1886 г.

²² Речь идет о народовольцах.

²³ См. 11 прим.

²⁴ Фамилию полностью разобрать не удалось.

²⁵ Это предложение написано отдельно, на стиге развернутого внутреннего листа письма.

²⁶ Далее несколько слов вымарано более яркими чернилами.

²⁷ Весь последний абзац написан по верхнему полю первой страницы.

19

Л.Г. Дейч – В.И. Засулич

1885, 30 сентября (12 октября)

Лиственничное Иркутской губ.

Пишу тебе, дорогая сестра, в пути, в селе, живописно расположенном на берегу Байкальского озера, которое здесь почему-то называют морем. Вид из окна чудесный. Вдоль озера узкой полосой тянется село, расположенное у подножия невысокого холма, что очень напоминает мне те излюбленные места, в которых я провел столько приятных лет¹. Завтра мы должны будем переправиться на тот берег на пароходе, который уже стоит у пристани. Поезд продлится 4 часа, т[ак] к[ак] озеро довольно широко – более 40 вер[ст]; но если поднимется буря, что здесь бывает очень часто, то нам, может, придется пробыть на пароходе 2–3 и более дней, не будучи в состоянии пристать к берегу. Но мне лично «хотелось бы бури», – из желания² сильных ощущений. Ничего хорошего о дальнейшем пути не сообщают. Не говоря уже о страшной дороговизне, часто даже полной невозможности достать съестные припасы (ф[унт] хлеба ржан[ого] стоит 4 ½ коп[ейки], кувшинчик молока 35–40, вместо 5, как было по Томской и Енис[ейской] губ[ерниям]), – нам предстоит натерпеться и от холода – уже снег начал падать, – и от неудобств помещений. Ну, да как-нибудь дойдем. Немного, сравнительно, осталось до прибытия на место. Если реки (за Читой) станут до нашего прихода, то будем на месте в конце ноября (или начале декабря³). Ну, дорогая, не взыщи, что мало пишу, Я очень спешу с отправкой тебе этого письма, зная, что тебе доставит большое удовольствие получить хоть несколько строк от меня. Из Иркутска я написал тебе и сестрам⁴ сравнительно большие письма. Не знаю, получила ли ты их. Вещей, посланных тобой, не получил. Хлопони, если имешь квитанцию, чтобы тебе их вернули. Газеты, деньги и письма, как твои, так и сестер, получил. Ну, будь здорова и счастлива. Крепко тебя целую и других сестер целую.

Твой брат.

Сестры жалуются, что ты забыла послать им свой адрес. Пошли его им, пожалуйста, поскорее. Пиши мне, дорогая, поскорее и почаще, чтобы я, приехав-

ши на место, получил уже твои (и сестер) письма, как это было в Иркутске, что доставило мне большое удовольствие.

*РНБ АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. 670. АД 1/29.20. Л. 16 – 16 об.
Автограф. Публикуется впервые.*

Примечания

¹ Очевидно, Женевское озеро.

² Надписано сверху вместо вымаранного слова.

³ В тексте сделана описка: написано «октября».

⁴ См. док. 18.

20

Л.Г. Дейч – В.И. Засулич

1885, 10 октября (29 сентября)

Дорогая!

Как видишь, я не заставляю тебя долго оставаться без известий о себе: из Иркутска послал тебе, Лизе и Жоржу с Павлом по письму¹, а также и сестре Мане два; теперь собираюсь много понаписывать, т[ак] к[ак], быть может, не скоро удастся это в другой раз сделать. Хочется вдоволь наговориться, чувствуется потребность сообщить побольше, «излиться», хотя, собственно, нет ничего такого, чего бы ты сама не знала. Но такой уж стих нашел: отчасти – вообще, вследствие присущей мне потребности давать тебе сколь возможно более полное представление о своем состоянии и из сознания, что такие «излияния» тебе приятны; отчасти – под влиянием обстановки и опасения, что после этого письма, б[ыть] м[ожет], будет долгий, долгий перерыв...

Вот уже 12 дней, как я выехал из Иркутска, где пробыл две недели. Там, как я уже сообщал тебе, я получил все твои 4 письма (одно² посланное на Красноярск)³. Ты, конечно, сама представляешь себе, какое наслаждение они мне доставили, как мне приятно было читать их, переноситься мыслями к Вам и живо представлять себе вашу жизнь с ее заботами, надеждами, опасениями. Само собой разумеется, они далеко не полны, затрагивают, главн[ым] образ[ом], внешнюю сторону вашей жизни, и почти не дают намека на особенно интересующие и занимающие меня вопросы. Но я, понятно, не в претензии, зная, при каких условиях происходит наша переписка. В этом отношении, впрочем, ты в более выгодном положении, т[о] е[сть] из моих писем ты, могу сказать, узнаешь почти решительно обо всем, меня касающемся, почти ни одна мелочь из моей жизни не неизвестна тебе, и ты имеешь возможность составить себе более или менее полное и верное представление обо всем пережитом, виденном и слышанном мною за время нашей разлуки. Как сильно хотелось мне получить хоть одно большое, подробное письмо от тебя, и так-таки не удалось! Но теперь уж об этом бесполезно жалеть. Спасибо злодейке-судьбе и за те письма, которые ей угодно мне доставлять. Я и эти перечитываю много раз. Вот и вчера вечером, лежа в нашей почтовой станции, я задумался было о прошлом и закончил перечитыванием до полуночи твоих последних писем и долгими размышлениями по поводу их. Отчасти коснусь теперь этих размышлений. В одном из писем ты предполагаешь, что я, услыша о твоём сетовании на жизнь, по-

думаю: «Ах, как бы мне хотелось быть на ее месте и т[ак] д[алее]». Представь себе, дорогая, что мне ни разу ничего подобного не приходило на ум, ни сознательно, ни инстинктивно, т[о] е[сть] ощущениями, чувствами. Быть может, этому причиной сознание невозможности для меня быть на твоём месте; но также, думаю, это объясняется моим нравственным состоянием. О нём-то, кстати я и хочу написать несколько слов, в дополнение к тому, что писал уже тебе. Понятно, мне хотелось бы быть с вами, но это желание не могу сказать что-бы интенсивно, страстно жило во мне, чтобы я рвался, не только мысленно, в мечтах, но и ощущениями. То время, когда я чувствовал себя нераздельным с вами, когда я жил планами и надеждами, миновало с мая прошлого, 84-го года. После того достопамятного для меня месяца во мне что-то как бы порвалось, изменилось. Полного и ясного отчета, сколько я иногда не стараюсь, я не могу отдать себе. Но кажется мне следующее. Печальная, неожиданная неудача, постигшая меня, лишила меня той веры в себя, в планы и мечты, которые меня до нее страстно, целиком занимали, сознательно, а больше бессознательно, подсказывая мне успех во всем, за что, казалось, ни возьмусь, ни задумаю. Хотя, будучи с вами, я и старался как бы сдерживать свои мечты, надежды, но мне казалось, что я инстинктивно чувствую их осуществимость и, веря, вообще, в эти неопределенные, необъяснимые ощущения, я уверовал было и в осуществимость моих тогдашних дум. Действительность показала, насколько я сильно ошибался; и вот, после крупной, полной неудачи настала сильная реакция во мне: я чувствую себя совершенно оторванным от жизни, — она там, где то, вне меня; я как бы прижат, придавлен чем-то тяжелым-тяжелым, из-под чего мне и вырваться не хочется, т[ак] к[ак] дышать, вообще существовать могу и куда доходят до меня звуки, впечатления, которые скользят по мне, не захватывая меня, не касаясь моего нутра. Тебе, вероятно, будут вполне понятны мои ощущения, а следов[ательно], согласишься, что я не могу теперь подумать: «Будь я на ее месте, я нашел бы для себя столько дела и пр[очее]». Не утверждаю, что, снимись каким-ниб[удь] чудом тяжесть с меня, я бы со временем не отдышался⁴; но мне кажется, что я уже не был бы таким, каким ты меня знала, а, вероятно, значительно худшим в практическом, деловом отношении; впрочем, кто его знает: может быть, некоторую пользу и принесло бы мне все то новое, что пришлось теперь узнать и испытать, хотя и не было бы во мне уже той веры в себя, в свое «призвание», если можно так выразиться. Ты ошибаешься, если из слов моих выведешь заключение, что я в угнетенном, мрачном настроении, — несколько; такие настроения бывали у меня только в Москве, с тех пор вообще острые настроения не посещали меня. Ну, да я, кажется, начинаю повторяться.

За тебя мне ужасно, ужасно грустно, дорогая. Я уверен, что ты чувствуешь себя хуже, чем я, и, вероятно, лучше чувствовала бы себя, будь ты в моем положении. Я живо представляю себе твою жизнь. «Сера»-то, сера она, но почему же «безнадежна»? Почему такой в тебе пессимизм? Нечего и говорить, как бы мне хотелось, чтобы ты нашла себе сильную зацепку, личное удовлетворение, интерес в жизни. Да я, признаться, и не теряю надежды, что это со временем случится еще. Это вовсе не неосуществимо...

Продолжаю после долгого перерыва, во время которого виделся с сослуживцем Мити — Каменским⁵. Он много рассказывает интересного об их тамошней жизни. Есть в ней кое-что приятное, но больше тяжелого, грустного. Так, по его словам, почти все «с мушкой», а некоторые совсем помешавшиеся. «Мушки» эти очень разнообразны и подчас крайне забавны. Внутренние отношения до-

вольно сносны, товарищеские. Бывают, правда, случаи неговорения друг с другом, но без этого в такой большой семье нельзя ведь обойтись. С Митей, как я уже писал тебе, не в дурных, но и не в хороших отношениях; некоторые, видимо, в приятельских. Он одно время очень сильно болел, – все своим геморроем, и сильно похудел. Болеют многие, особенно – глазами, вследствие плохого освещения и скверного питания, от которого развивается почти у всех малокровие. Материальное положение – крайне, крайне печальное: на каждого, в среднем, сверх полагающегося от опекунов, приходится лишь по 1 руб[лю] в месяц, и то не регулярно. И на этот рубль нужно улучшать пищу, покупать чай, сахар и пр[очее], при этом в тех местах страшная дороговизна (фунт сахару – 50–60 коп [еек], ф[унт] свечей – столько же и т[ому] п[одобное]). Причины этого материального бедствия – выход оттуда всех состоятельных, получавших деньги от родных; а оставшимся почти никто не посылает.

К материальным лишениям в последний год прибавилось ухудшенное отношение к ним вновь прибывшего к ним главного воспитателя, который, как страшный формалист, придирчив крайне, всячески стесняет и ограничивает их права, чем возбуждает их против себя; поэтому, хотя братия и очень миролюбива, но не избежать стычек, б[ыть] м[ожет], очень крупных.

Есть и приятные известия, – так начали выпускать в команду⁶ (Маша⁷ в числе таких); библиотека довольно хороша, и некоторые серьезно занимаются, – по сменам меняются: для того, чтобы все могли пользоваться скудным светом, в то время, когда одни занимаются, другие спят и наоборот. Книг вообще довольно; но нет сколько-ниб[удь] полного подбора по отделам; особенная нужда в книгах по истории и философии. Поэтому, при случае, доставай и покупай таковые, и Жоржа прошу составить список оригинальных и лучших произведений по философии, начиная с древнейших авторов (Платона, Аристотеля и т[ак] д[алее] до новейших).

К сожалению, должен окончить сейчас письмо. Пиши, дорогая, хоть раз в две недели на адрес сестры и раз в месяц на адрес иркутского жандармского правления. Книжки можешь посылать сестре же, а ей придется пересылать прямо в Читу на адрес канцелярии военного губернатора, также и деньги, если таковые будут посылаться, то на адрес губернатора для такого-то.

Ну, будь здорова и, по возможности, бодр. На днях еще напишу. Целую тебя крепко, крепко, а также всех близких. В дополнение по книгам, – пришли сестре со временем, кроме книг по философии и истории, следующие: S-t Simon, Sa vie etc.⁸, (которую, помнишь, я читал у Жоржа), La conjuration des egeaux⁹, а Tuerg¹⁰ – пока не посылай. При случае пошли также Russia suteronea¹¹, – ее нам на месте выдадут, – лишь бы из России была выслана.

Ну, будь здорова, дорогая; возьми себе за правило писать регулярно, в определенные промежутки. О том же прошу Лизу, Аню, Жоржа и Павла.

Я забыл сообщить тебе, что я встретился также с Шуркой¹², которая идет теперь на поселение в Якутск. Она все такая же милая, добродушная, приятно вечно улыбающаяся; но несколько постарела. К Мите она, очевидно, тепло относится. Ну, да до другого раза. Всех, всех обнимаю. Не забывайте меня, пишите.

Примечания

- ¹ См. док. 18. Письмо Г.В. Плеханову, П.Б. Аксельроду и Е.А. Хотинской не разыскано.
² Слово «одно» написано более яркими чернилами поверх первых букв следующего слова.
³ Письма В.И. Засулич не разысканы.
⁴ Так в автографе.
⁵ Возможно, А.А. Каменский. Где его жизненный путь пересекался с Я.В. Стефановичем (Митей), не установлено.
⁶ Вольная команда — одна из форм содержания каторжан, зарекомендовавших себя примерным поведением в Карийской каторжной тюрьме. Попавшие в такую команду жили на поселении вне стен тюрьмы на полном самообслуживании, относительно свободно перемещались в пределах поселения, не были обременены каторжными работами и пользовались другими льготами.
⁷ Вероятно, Мария Калужная.
⁸ Вероятно, имеется в виду книга: *Hubbard M.G. S.-Simon, sa vie et sa travaux*. Paris, 1857. Книга имеется в личной библиотеке Г.В. Плеханова (А 448).
⁹ Заговор равных (*фр.*). Вероятно, имеется в виду книга: *Buonarroti F. Gracchus Babeuf et la conjuration des égaux*. Paris, 1869.
¹⁰ См. прим. 6 к док. 17.
¹¹ О какой книге идет речь не установлено.
¹² О ком идет речь установить не удалось.

Л.Г. Дейч — членам группы «Освобождение труда»

1885, 3(15) ноября
Чита

Дорогие!

Я все еще в пути, как видите, но конец уже близко: если судьба не восстанет против меня, то чрез 25 дней буду на месте. Пока она, сравнительно, довольно снисходительна ко мне. Осени, т.е. дождей совсем так не было, но зато с середины октября начались довольно сильные морозы (без снега), так что приходится напяливать на себя всю имеющуюся у меня теплую одежду; но пока все же особенного холода мне испытывать еще не приходилось. Станции, на к[о]т[о]рых приходится останавливаться, подчас не совсем удобны: холодные и полные дыма. Дороговизна в Забайкалье ужасная: фунт ржаного хлеба стоит 5–6 коп[еек], подчас его и совсем нельзя достать; о пшеничном хлебе и говорить нечего. Ресурсы наши совсем плохи, но до места как-нибудь надеемся доехать, если только в Нерчинске нас не захватит тиф, к[о]т[о]рый, говорят, там свирепствует теперь. Пока, повторяю, нам, сравнительно, везет. Почти каждые 5–6 дней мы встречаем на станциях возвращающихся с места и проводим с ними по одному дню. Рассказам, конечно, нет конца, хотя теперь начинают они уже надоедать, т[ак] к[ак] все они сводятся к одному и тому же, повторяются. Все же эти встречи разнообразят наше путешествие и, как-никак, от каждого, среди массы повторений, удается узнать новое сообщение, новую черту из жизни тамошних обитателей. В общем, как я уже подробно писал Вам, живется там пока сносно. Заниматься умственным трудом, при некоторой сноровке, усилии над собой, возможно. Так как днем мешает говор и шум, то многие ложатся рано спать и, просыпаясь поздно ночью, занимаются. К числу [таковых]¹ принадлежит и Дмитро, к[о]т[о]рый, говорят, много читает по истории. Многие занимаются языками и почти все, за очень немногими исключениями, изучили

француз[ский] яз[ык], даже и рабочие. Есть любители математики, астрономии, естественных наук, но, вообще, таких немного; большая же часть пробавляется чтением журналов и романов на иностранных яз[ыках]. Очень немногие серьезно занимаются по выработанной ими себе системе, просиживают по много часов за книгами. Общие чтения по камерам бывают очень редко, – только когда получают новинки Гл[еба] Успенского и Щедрина. В одной камере, в к[о]т[о]рой большинство – рабочие, занимаются преподаванием элементарных наук, почему эта камера и наз[ывается] «академией». В прежние, вольные времена, когда все могли сходиться вместе, «академия», более или менее, соответствовала своему названию, т[ак] к[ак] в ней, напр[имер], Ковалик, кандидат матем[атических] наук, читал высшую математику, другие – другие науки; тогда же были в ходу всякие теоретические дебаты. Но теперь они совсем вывелись и редко-редко когда поднимается какой-нибудь общий вопрос, да и то между двумя-тремя где-нибудь, в стороне. Все вопросы, теории приелись, большинство изверилось, стало до крайности скеплично. Когда возникают сколько-нибудь оживленные разговоры, то они, говорят, исключительно касаются «жгучего» вопроса – о том, как распределить скудные средства, [чтобы]² прокармливать. Этот вопрос, действительно, очень важен там. Большинство страдает катарам, малокровием, а, меж[ду] тем, при настоящих средствах нельзя принимать во внимание этих болезней, нельзя удовлетворять самых насущных потребностей. Жажда жизни у многих очень сильно развита. Некоторые, несмотря на большие сроки, чуть не по дням отсчитывают остающееся им количество времени. На очень немногих долгое пребывание там не положило своего специфического отпечатка, который бросается в глаза свежему человеку чуть не сразу. Вообще, тамошняя жизнь имеет совсем своеобразный характер и талантливому наблюдателю могла бы дать массу пищи. У обитателей этого «Мертвого дома»³ существуют свои привычки, обычаи, даже свой особый жаргон, состоящий как из отдельных русских словечек и фраз, та и из массы иностранных слов. К тому, каждый в отдельности оригинален на свой манер и чуть ли ни один другого и всех вместе считает с «мухой», «матондом»⁴, по выражению Ломброзо. Эти-то оригинальности, этот жаргон и разнообразят их крайне однообразную жизнь, вносят элемент веселья, шутки, острот. Крупными событиями в тамошней жизни бывают: приезд нового лица, получение кем-нибудь письма и празднование торжественных, табельных дней. Новоприезжего первые дни засыпают вопросами, выуживают из него все, что возможно. Причем крайне иронически относятся к его рассказам, раз замечают оптимистический элемент: «слыхали, мол, о всех этих надеждах на лучшие времена; сами когда-то верили». Но попробуй не⁵[воз]можности «новых веяний» в скором будущем, – тоже будет недоволен: «ишь, скажут, жил-жил там и ничего не вынес, не наблюл». Вообще, угодить, говорят, нелегко. Но я, заранее зная об этом, постараюсь в меру подпустить и жару, и холода, авось ужогу.

Получающий письмо, если оно сколько-нибудь общинтересно, должен прочитать его другим; при этом с него взимается в общую кассу одно «су», что на местном жаргоне значит кусок сахара, к[о]т[о]рый там очень дорого ценится, – по одной коп[ейке]. Таких «су» за месяц собирается сравнительно много в кассе, в виде всякого рода штрафов и проигрышей на пари и шахматы и делится потом между всеми.

В «табельные дни» почти все забирают на причитающиеся им копейки (и часто на много вперед) всякого рода предметы «роскоши»: чай, сахар и т.п. и

задается «кутеж». Во всем этом, конечно, много комического и наивно-веселого: видишь старика, усеянного сединами, заодно с юношей веселящегося полученному куску сахару али пирогу. Ну, надеюсь, что раз Вы получили прежние мои письма к Вам и Соне с Августиной⁶, – Вы сможете составить приблизительное представление о той жизни, к[о]т[о]рая, вероятно, и мне предстоит. Одна у меня к Вам просьба – пишите, пишите и пишите, все и как можно чаще. Определите себе каждый, через какой период писать мне, и держитесь этих сроков. Получать могу от всех и по много писем. Пишите и непосредственно в Иркут[ское] Жаид[армское] Правл[ение] и через Маню⁷.

Вероятно, с дороги еще [одно]-два письма напишу, а пока довольно⁸ Всех, всех Вас обнимаю и целую.

Ваш Ев[гений]

⁹Носится слух, что нас в Чите задержат на несколько недель, пока не замерзнет р[ека] Шилка, тогда на лыжах...¹⁰

¹¹Письмо это Вы, вероятно, получите, когда наступит уже Новый год, а потому заранее поздравляю Вас с таковым. Если Аня¹² вздумает прислать мне какой подарок, то пусть приобретет всякого рода виды местностей Италии и Швейцарии.

*РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 237. АД 1/29.21. Л. 1 – 2 об.
Автограф. Публикуется впервые.*

Примечания

- ¹ Правый нижний угол обоих листов письма оторван. Располагающееся там на первом листе слово соответственно утрачено. Восстановлено по смыслу.
- ² Утраченное слово в нижнем углу оборота первого листа.
- ³ Далее несколько слов написано по зачеркнутому тексту.
- ⁴ Этот термин в классификации преступников, предложенной итальянским психиатром и криминалистом Ч. Ломброзо (1835–1909), означает людей, обладающих всеми задатками преступности.
- ⁵ Окончание фразы в нижнем углу второго листа утрачено.
- ⁶ Вероятно, С.И. Камниер и А.И. Камниер, сестры жены П.Б. Аксельрода Н.И. Камниер-Аксельрод.
- ⁷ М.Г. Афанасьева.
- ⁸ Одно или два слова в нижнем углу оборота второго листа утрачены.
- ⁹ Это предложение приписано по левому полю на обороте второго листа.
- ¹⁰ Далее несколько слов в нижнем углу утрачено.
- ¹¹ Заключительные строки приписаны по сгибу развернутого листа.
- ¹² А.М. Кулишова-Турати.

1885, 17 ноября
Чита

Дорогие!

Мы вместо одного дня, по собственному желанию, провели здесь две недели, чтобы отдохнуть от почти безостановочного и утомительного пятинедельного перекочевывания на двухколесках-биде¹ (от Иркутска). Будем, следовательно,

на месте в середине декабря (по-вашему – к Рождеству), если что-нибудь неожиданное нас где-нибудь не задержит еще, что, впрочем, очень сомнительно. Я надеялся получить здесь от вас письма, но, к сожалению, отсюда они пересылаются на место, и я, следовательно, не скоро еще получу их, если они уже и пришли. Я много писем послал вам за последние 2 месяца на разные адреса. Надеюсь, что вы их получили. Из них вы могли узнать подробности о моем передвижении и сведения, полученные мною от встречавшихся сослуживцев Якова. За последние 2 недели еще повстречались трое, и такие встречи будут и впредь повторяться чуть ли не каждую неделю. Нового не приходится теперь узнавать от них ничего, – мы имеем уже полную, ясную картину тамошней жизни, со всеми деталями, с более или менее верным представлением о характерах наиболее выдающихся действующих лиц. Всеобщим расположением и уважением пользуется Мошка², который является умиротворяющим элементом, снисходительным к человеческим слабостям, мягким, заботливым к другим. Кроме него, есть еще два-три человека с такими же редкими альтруистическими чертами характера, которым невольно поддаются и остальные. Жизнь тамошняя поэтому, по всеобщему заявлению, удивительно миролюбивая, тихая. Если бываю недоразумения, то [край]не³ редко и незначительные. Благодаря этим подробным сведениям можно заранее составить себе представление о том, какой образ жизни будешь вести там. Конечно, не могу предвкусывать, как буду себя там чувствовать, но вообще, вероятно не дурно, если только внешние условия не изменятся значительно, что очень возможно. Внешние и материальные условия с каждым годом ухудшаются, что дает себя знать, – отзывается на здоровье обитателей: за последние 2 года было несколько смертей. Попка⁴, Жуков⁵, на днях Лисовская и д[окто]р Веймар. Смерть последнего (он умер от бугорчатки, к которой вообще есть там предрасположение) очень чувствительная потеря для всех местных жителей. Не говоря уже о том, что он был замечательным товарищем, он незаменим как врач. Пища там, как я уже писал, очень плоха и вообще все потребности доведены до невозможного минимума. Я снова повторяю, постарайтесь, что можете, сделать для устройства правильных периодических посылок денег (на адрес г[осподина] губерн[атора]: Забайк[альская] обл[ась] в г[ород] Читу для пересылки туда – такому-то). Будь я один в этом заинтересован, я, б[ыть] м[ожет], не упоминал бы о средствах, зная о вашем затруднительном материальном положении; но дело в том, что от количества получающихся средств находится в зависимости здоровье нескольких десятков людей. Впрочем, мне нечего распространяться, – Вы сами, конечно, понимаете это и сделаете все необходимое; повторяю же я об этом потому, что не уверен, дошли ли до вас мои предыдущие письма.

От Дмитра за всю дорогу не получил ни строчки, хотя у него была возможность писать, поклоны и некоторые поручения (насчет книг, список которых привожу ниже) он мне передаст, а неписание мне объясняет тем, что – не о чем. Я уже писал ему раза 3⁶, не знаю только, все ли получил (одно – наверно). Я уже не раз сообщал вам, что положение его среди товарищей лучше, чем мне раньше сообщали. С Мишкой и некоторыми другими старыми знакомыми он в хороших отношениях. Здоровье его, судя по всеобщим отзывам, далеко не завидное, – его все продолжает донимать все более и более усиливающийся геморрой, сильно истощивший его. Рассказывают, что летом прошлого года он, нечаянно объевшись каких-то сибирских ягод, чуть было не отравился насмерть, если бы не своевременная помощь врача: уже начались предсмертные судороги; но

на второй день он чувствовал только слабость и боль в желудке, а вскоре – совсем оправился. Жду теперь уже с большим нетерпением наступление дня встречи. Надеюсь, что мы с ним хорошо заживем и, насколько это будет возможно, постараюсь ободрить его, улучшить его настроение. Недолго, вероятно, придется мне пробыть с ним вместе, – не более, кажется 1½–2 лет, т[ак] к[ак] срок его тогда кончится и он вый[дет]. Мне же, после его выхода, останется лет 8–9, вероятно (считая скидки, сокращения и истекший уже год). Но, Боже, сколь далеким, далеким представляется этот срок!.. Впрочем, я стараюсь вооружиться терпением. Каким-то я буду тогда, 40-летний муж? Конечно, далеко не тот, каким вы меня знали. Хотя и стараюсь не думать о том времени, но иногда невольно рисуется отдаленное будущее и представляется далеко не отрядным. Но, кто его знает?! Будем надеяться, что не все еще потеряно, что увидимся еще когда-нибудь, на склоне лет. Много бы дал, чтобы побыть еще с вами, повидать вас всех, дорогие. Столько близких, любимых мною, я, конечно, уже не буду иметь никогда. Как часто я припоминаю теперь, что, будучи с вами, не умел ценить вашу близость, расположение ко мне. Ну, да я начинаю впадать в сентиментальный тон... Пишите же, дорогие, сколь возможно чаще, не забывайте сильно любящего и преданного вам друга и брата. Я же, вы сами знаете, не могу вас забыть: вы навсегда оставили самую сильную, неизгладимую о себе память. Будьте же счастливы, милые, дорогие мои. Всех, всех вас крепко обнимаю и много раз целую. Всего, всего вам хорошего.

Безгранично вас любящий Женька

Не помню, сообщал ли я вам, Лизе, что Дмитро получил посланную ему вами мою карточку и [...⁷] вещи. Вообще пока все доставляется аккуратно.

*РНБ АДП. Ф. 1097. Оп.1. Ед. хр. 237. АД 1/29.22. Л. 3–4 об.
Автограф. Публикуется впервые.*

Примечания

- ¹ Биде (*фр.* Bidet) – маленькая верховая лошадь, а также кресло с подвижными боковыми ручками.
- ² Имеется в виду Мойша – А.И. Зунделевич.
- ³ Нижний угол письма с частью текста утрачен.
- ⁴ Имеется в виду Г.А. Поню.
- ⁵ Вероятно, В.И. Жуков.
- ⁶ Зачеркнуто «2».
- ⁷ Одно слово утрачено.

23

Л.Г. Дейч – В.И. Засулич

1885, 1(13) декабря
Нерчинск

Дорогая!

Всего полмесяца осталось, наконец, до прибытия моего на место. Боже, с каким уже нетерпением я жду этого дня! Хотя, казалось, чего бы так рваться? Но, проведши, как я, семь месяцев в дороге, при сопряженных с ней «удобствах»,

естественно развиться крайнему нетерпению. Собственно, особенных неприятностей, таких, каких при самой обыденной обстановке не случались бы иногда испытать, – мне пока не пришлось испытать, и надеюсь, что в остающийся теперь незначительный, сравнительно, период и не придется. Знаю, что там – могла, что там вдоволь успеешь насидеться, что, наверно, буду мечтать и жалеть о невозможности испытать хоть такие разнообразия, какие теперь опротивели мне. Но что станешь делать с человеческой натурой? Все мои мысли и планы, – если можно употребить это слово в моем положении, – направлены уже давно на время моего приезда на место; я чувствую себя уже как бы поселившимся, устроившимся там, я даже слышу подчас голоса, возражения, рассказы товарищей, – все это, ты поймешь, дорогая моя, не может не довести нетерпение до крайнего предела. В данном случае, я знаю, наши с тобой желания противоположны: тебе, конечно, очень тяжело будет, когда узнаешь, что я достиг до «тихой пристани», т[ак] к[ак] с этим связано для тебя прекращение столь частой полочки от меня писем, к какой ты привыкла за последний год. Я чувствую, как это тяжело тебе будет многие, многие годы почти ничего не знать обо мне; но я не теряю надежды, что ты будешь терпеливо ждать того времени, когда я снова смогу возобновить переписку; до тех же пор мне нечего повторять, – ты и сама это знаешь – я все возможное сделаю, чтобы не оставлять тебя без вестей о себе. Тебя же снова и снова прошу быть, насколько возможно, бодрой, находить себе занятие, которое примирило бы тебя с «серой жизнью». Я надеюсь, что ты от себя все сделаешь, чтобы насколько возможно сохранить свое здоровье и бодрость. В этом – главная и наибольшая просьба к тебе. Предложений, советов, как ты и сама могла заметить, я не давал тебе все это время: не зная всех условий вашей жизни, я не хочу навязывать тебе, б[ыть] м[ожет], невозможные для выполнения пожелания. Но просить тебя быть внимательной к себе, крепиться и мириться с тем, что жизнь даст, – я считаю себя вправе. Я допускаю, что в некоторых отношениях моя жизнь будет, б[ыть] м[ожет], сноснее твоей, но одно уже сознание, что ты можешь, так сказать, держать ее в своих руках, что ты можешь б[олее] или м[енее] направлять ее, должно ослаблять горечь неблагоприятной, невеселой участи. В одном из своих писем ты говоришь, что «держишь себя в руках». Не знаю, как долго придется тебе быть в таком напряженном состоянии, когда перестанешь быть столь сосредоточенной на своем настроении. Но от всей души желаю, чтобы тебе как можно скорее удалось войти в колею, т[ак] к[ак] не думаю, чтобы столь строгий надзор за собою не утомил, не довел нервов до сильнейшего напряжения. Я, конечно, повторяюсь сегодня, но ведь это, вероятно, последнее, а тахішт¹ – предпоследнее письмо, которое я пишу тебе в дороге. Хочется срезюмировать все najważнейшее, все наиболее меня занимающее по отношению к тебе: не знаю, удастся ли только, чему причиной будет обстановка, при которой пишу: кругом меня говор, смех раздается; к тому же такая расслабляющая жара, как в бане. А между тем надо спешить с окончанием письма. Приняв во внимание все эти обстоятельства, ты извинишь меня, дорогая, если найдешь это письмо не таким хорошим, каким, б[ыть] м[ожет], ты хотела бы, чтобы были мои последние письма. Да и без моих заявлений, слов ты знаешь, что я должен испытывать в эти минуты. Быстро, быстро пробегают в моем уме мысли о том, чем была ты для меня в последние годы; я живо и сильно чувствую твое отсутствие, я уверен, что столь же сильно оно будет чувствоваться многие годы, и его вряд ли что сможет заменить. Несомненно для меня при каких бы там ни было

превратностях судьбы, годы пребывания с тобой будут наилучшим временем в моей жизни, что самые приятные, отрадные воспоминания будут у меня с ними связываться. Не хочу сказать, что я не допускаю уже мысли о возможности для меня сносной личной жизни, — «как бы скверно ни жилось человеку, его не покидает надежда на лучшее будущее», помню, говорила ты, с чем я теперь вполне согласен. Я допускаю, что примирюсь с жизнью, какова бы она ни была, я чувствую в себе способность жить еще; и то, чего мне недостает для этого — цель, я надеюсь, что время поможет мне создать себя. Но то будет (если будет) уже примиренне, «отживание», а настоящая жизнь все же останется позади, в прошлом, воспоминания о котором, как бывает у стариков, мне будут при каждом удобном случае приходить в голову. За меня, дорогая, ты можешь быть вполне спокойна. Если бы я мог настолько же за тебя быть спокойным, — как бы я был рад этому! Можно даже, конечно, с приблизительной точностью, предсказать, как проведу я предстоящие годы пребывания «в тихой пристани». Но никакой пророк не смог бы того же сказать относительно твоего будущего. Впрочем, надеюсь, что письма, которые ты мне будешь присылать, все же будут давать хоть маленькую нить, зацепку для проникновения в твое состояние. Пиши же, родная, насколько возможно яснее и подробнее о себе, — я, конечно, понимаю, насколько это трудно при наших условиях, но волей-неволей приходится мириться с ними, лавировать и изворачиваться. Пиши, что читаешь, если возможно передавай даже, что наиболее в прочитанном интересного, понравившегося (или не понравившегося) тебе (жаль, что ты уже не сделала это со 2-м т[омом] «Капитала» подробнее). Сообщай также (в более или менее общих фразах), что вообще в данное время занимает тебя и других близких, а также — внешнюю среду. Старайся своими письмами хоть настолько знакомить меня с тем, что делается на белом свете, насколько я, помнишь, это делал в письмах к Дмитру. Я в них упоминал обо всем сколько-нибудь выдающемся в своей жизни и внешнем мире. Ты будешь, конечно, стараться также снабдить меня всеми литературными новинками: если глаза не ослабеют окончательно, я, вероятно, буду много читать и вообще серьезно заниматься. В прошлом письме я сообщил тебе список книг, присланный Дмитром. На всякий случай постараюсь еще раз его повторить. Ты, конечно, позаботишься переслать их Мане (кстати, пришли ей, переснявши, все мои карточки, — она меня просила). Ну, пока довольно. Спешу лечь спать, — завтра снова в дорогу, а там скоро, скоро и — на месте, где надеюсь застать уже твои письма: вот уже 3-й месяц, как я не получил ни одного. Как я буду им рад, ты живо, конечно, представляешь себе. Ну, будь же здорова, бодрa и по возможности счастлива. Крепко, крепко обнимаю и много раз целую. Милому Жоржу передай мои наигорячии пожелания и благодарности за последнее его письмецо в Иркутск и просьбы и впредь не забывать меня. Сердечнейшие приветствия и просьбы о том же ко всем близким.

*РНБ АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 670. АД 1/29.23. Л. 17 –
18 об. Автограф. Публикуется впервые.*

Примечания

¹ Самое большое (*лат.*).